

АЛЕКСАНДР
ДРУЖИНИН

СПАСЕНИЕ ВЕДЬМЫ

История страшной мести...

Александр Дружинин

Спасение ведьмы

«Автор»

2025

Дружинин А. М.

Спасение ведьмы / А. М. Дружинин — «Автор», 2025

Виталий Инин, коротая вечер в ресторане заполнил анкету по просьбе милостивой, похожей на ведьмочку девушки. Мог ли он знать, что это ввергнет его в круговорот невероятных и опасных событий, полностью изменивших его жизнь?

© Дружинин А. М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	46
Глава 4	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Дружинин

Спасение ведьмы

Глава 1

1

Если твоя жизнь непроходимо скучна, то ты чья-то ошибка.

Инин гипнотизировал взглядом стакан с виски. В стакане отражался приглушенный свет люстры, лениво таял лёд.

А может, сама жизнь – ошибка, – с апатией размышлял Инин, – жизнь, неизвестно как и для чего возникшая в бессмысленной пустой вселенной – порождение слепого случая – аномалия, аберрация, абсурд...

Он оторвал взгляд от стакана. Полупустой зал ресторана «Небо» небрежно шелестел голосами.

Шелест голосов – это хорошо. Да хоть бы и гул, хоть бы и рокот, лишь бы не музыка. При мысли о кабацкой музыке аккуратные губы Инина невольно скривились, ухоженные усики вздрогнули. Чёрта с два он бы встречался в этом месте со Светлаковым, если бы здесь была музыка!

Но пока всё путём: и тихо, и свет неяркий, и народу всего ничего, несмотря на пятничный вечер. Заведение открылось месяц тому назад – не раскрученное. Правда, всё хорошее быстро проходит: здесь смастерят сцену, водрузят на неё ударную установку, наймут лабухов, и начнётся ад. Что ж, придётся искать новое место для ритуала.

Инин украдкой наблюдал за парочкой через столик. Читаются легко, как букварь. Девушка – явно деревенская – приехала покорять большой город. Туфли с тупыми носами на высокой платформе – городские дамы сейчас такого не носят. Для авангардного стриптиза на шесте они бы вполне подошли, но для выхода в свет, извольте... Бездарный боевой раскрас, алая аляпистая помада. Продавщица, наверное, или официантка в дешёвом кафе. Кавалер – городской. И ботинки, и джинсы, и джемпер – не подделки китайские – бренды; уж кто-кто, а Инин-то в этом толк знает. Модная стрижка. Мобильник на стол не выложил – следовательно, с этикетом знаком парнишка. Девять из десяти – офисный планктон с хорошим окладом.

До Инина доносились обрывки их разговора. «Путь длиной в тысячу ли начинается с первого шага», – «планктон», нагнав на себя умный вид, цитировал Лао Цзы. Лицо девушки излучало благоговейное восхищение, глазёнки горят. Ещё бы! Инин мог бы поспорить на что угодно: до сих пор в разговоре с ней ещё никто не ссылался на Дао де Цзин.

Всё читается проще азбуки – она на седьмом небе от счастья: ей очарован успешный красавчик с авто и жилплощадью; он относится к ней серьёзно, иначе не вёл бы этих заумных речей. Она уже видит себя в фате и с кольцом на пальце, а жеманный плутишка просто разводит дурёху на скорый одноразовый секс. Всё избито, изъезжено. Тщета. Недалекие игры недалёких людей.

«Блаженны нищие разумом», – Инин на свой лад перефразировал Заповеди, – ибо ничего не узрят». «Но зато, чёрт возьми, не скучают, – подумал Инин со странной смесью зависти и презрения. – Ах если бы я мог поглупеть!»

Он грустно улыбнулся уголком рта этой своей мысли и отхлебнул виски. Да, парочка через стол жила полной жизнью: наслаждалась коктейлем из страстей и надежд, с ароматом азарта и возбуждения, приправленным игрой и обманом, а Инину было скучно. Всегда. Шкала барометра его ощущения жизни имела всего три деления: «невыносимо скучно», «привычно

скучно» и «просто в данный момент не думаю о том, что мне скучно». В настоящий момент стрелка находилась в положении 2, и она ненадолго переместится в положение 3, когда, наконец, придёт Светлаков – единственный человек, которого Инин мог условно назвать своим другом.

«Случилась бы какая-нибудь хрень со мной, чтобы повеселиться», – мелькнула дурацкая мысль. Приключения Инин искать не любил, а приключения не любили искать его.

«Любовь делает тебя зависимым, – сначала боишься её не найти, потом боишься её потерять», – долетело со столика парочки. Поймавший кураж умник продолжал сыпать мудростью от Лао Цзы.

«Говорящий цитатами вопиет о своей глупости», – породил собственный афоризм Инин и опять усмехнулся. Что до него, то он не боялся ни найти любовь, так как, по своему глубокому убеждению, был на неё уже неспособен, ни, тем более, её потерять.

– Молодой человек, вы курите?

Инин вздрогнул от неожиданности. Слева от его столика стояла девушка в строгой чёрной блузке и такого же цвета брюках, с сумкой мессенджер через плечо и планшетом в руках. Откуда она взялась? Как сумела подобраться столь скрытно, будто бы ниндзя? Инин сидел за крайним столом, сзади только стена. Как он, считающий себя человеком весьма наблюдательным, мог не заметить её приближения? Она материализовалась из воздуха?

– Как видите, нет. Здесь же запрещено. – Инин развёл руками.

Девушка подошла на два шага ближе.

– Наша компания проводит промоакцию. Если примете в ней участие, получите в подарок пачку сигарет и зажигалку. Вы какие сигареты предпочитаете?

Её голос звучал удивительно глубоко, низко и бархатно. Но больше всего Инина изумило не это. Инина поразили её глаза. Преогромные, ярко-зелёного цвета. Было в этих бессовестно красивых глазах что-то такое, от чего брала оторопь, что-то одновременно очаровывающее и пугающее, гипнотическое, что-то не то кошачье, не то змеиное, что-то inferнальное, дьявольское.

Быть может, сатанинского этим глазам добавляли волосы девушки – пышные, длинные, огненно-рыжие. Два зелёных призрачных огонька на фоне рыжего пламени, – Инину вспомнился отрывок недавнего сна. Сон в руку? Он тут же отогнал эту мысль. Прямой лоб, высокие скулы и чувственные пухлые губки в сочетании с такими глазищами делали из девушки просто красавицу.

Если бы Инину вздумалось пофлиртовать, он бы сказал что-нибудь вроде этого: «Вы нарисованы нейросетью? Таких в реальности не существует», или этого: «Всех прекрасных ведьм сожгли ещё в средних веках. Как вы выжили?»

Но флиртовать Инину не хотелось, поэтому он ответил, лукаво не мудрствуя: «Я не изменяю своему «Кенту».

– Жаль, – сказала девушка, и подошла ещё на шаг ближе, оказавшись вплотную к столику. – Мы продвигаем другую марку. Но вам всего-то нужно заполнить небольшую анкету, получить код по смс и сообщить его мне. Полученной в подарок пачкой вы сможете порадовать друга, а зажигалка вам и самому пригодится. – Она миленько улыбнулась.

– Видите ли, у меня нет друзей, – отпарировал Инин, соорудив такую мину, что было непонятно всерьёз это он или шутит.

– Будут! – не моргнув зелёным глазом, заявила «ведьмочка». – Заполните анкетку, это дело на полминуты, и появятся у вас друзья, обещаю. – Она опять улыбнулась.

Навязчивый сервис, даже в исполнении такой красавицы, Инина начал подбешивать.

– Пообещайте мне лучше хорошего вечера в одиночестве.

– Я обещаю, что маленький презент от нашей компании никак не испортит вам вечер. – Она сняла с планшета разлинованный бланк и положила его перед Ининым. – Заполните анкетку, пожалуйста! – она протягивала ему карандаш.

Карандаша Инин не взял. Закатил свои выразительные, серые, как туман глаза, и вздохнул. Она дура или просто прокаченная тренингами настойчивости?

– У вас замечательная работа, девушка, – Инин глядел на неё прищурившись, с кривоватой полуулыбкой. – Она несёт людям здоровье и радость, а также покой. Пожалуйста, подарите покой и мне. Он для меня ценнее, чем презент от вашей компании. И чем быстрее это произойдёт, тем больше я буду благодарен и вам, и вашей компании.

– Спасибо за комплимент! – девушка искренне радостно улыбалась, кладя так и не взятый Ининым карандаш рядышком с бланком. – Заполните анкетку, пожалуйста.

Инин на мгновение опешил. Она точно настолько дура, чтобы не понять грубейший сарказм? Ну да, красивые женщины умными не бывают. Или она, эта соплячка, решила, что меня можно взять измором?

– Я очень люблю непонятливых людей, девушка. За то, что долго им объясняя что либо, я хорошо тренирую свой ум.

Девушка не смутилась и не обиделась, просто лицо её стало серьёзным.

– Да просто... вам же нетрудно анкетку заполнить. А я чем быстрее эти пачки и зажигалки раздам, тем быстрее домой пойду. Устала уже за сегодня. Честно.

Конечно же, Инину было не жалко заполнить анкетку, сделав тем самым маленькое доброе дело для девочки, – он не был ни вредным, ни мелочным. Но здесь его вызвали на дуэль (по крайней мере, именно так он чувствовал ситуацию), и уступить Инин не собирался.

– А я устал давать вам толстые намёки на то, что заполнять анкету не буду. Из принципа, понимаете?

– А знаете? Вы на Печорина похожи.

Рот Инина открылся. Девчонка разорвала шаблон. Да она точно профи! Акула. Настоящая ведьма.

Вечная спутница Инина – скука, спрятала унылую морду в песок. Похоже, вечер переставал быть томным.

С замешательством Инин справился в долю секунды. Вида, что был поражён не подал. Противница у него достойная, и шанса давать ей нельзя – проглотит.

– Забавно, – с ленивым безразличием протянул Инин. – И с чего вы это взяли?

– У вас глаза грустные, даже когда вы улыбаетесь.

– На этом сходство заканчивается?

– Нет. Вы на актёра, что Печорина играл очень похожи. Один в один.

– На Ивашова или на Петренко?

– На Петренко, – с уверенностью сказала девушка. – Хотя и от Ивашова что-то в вас есть. Но Петренко мне нравится больше, именно таким я Печорина и представляла, когда книгу читала. А вот фильм шестьдесят седьмого года, ну, в котором Ивашов играет, он сильнее, чем сериал с Петренко. Потому что фильм точно по тексту сделан, а в сериале отсебятины много.

Новый разрыв шаблона. Инин непроизвольно коснулся лба. Сколько этой девчонке лет? Двадцать? Нет. До двадцати одного на такую работу её бы не взяли. Значит, двадцать один? Двадцать два? Не больше. Зелень. Вчерашний подросток. Кто из современных подростков интересуется классикой? Таковые вообще существуют? Кто из поколения двадцатилетних слышал о фильме «Герой нашего времени» шестьдесят седьмого? Как девчонка смогла угадать, почувствовать, что Печорин, его, Инина, любимый герой, сходством с которым он втайне от всех гордится? Откуда она могла знать, что чтение классики одно из очень немногих занятий, которое переводит стрелку его барометра в положение «просто в данный момент не думаю о

том, что мне скучно»? На задворках сознания снова мелькнул отрывок из сна о рыжем пламени и зелёных огнях. Девчонка-то точно ведьма!

Или он всё это сейчас просто себе придумал? Ничего она не угадала, не увидела третьим глазом. И вовсе это никакое не продолжение глупой дуэли. Просто совпало. Ну любит девчонка классику, ну смотрела фильм старый, и что с того? А то, что он на Петренко похож, не одна она ему говорила.

Но, как бы то ни было, побеждать её Инину уже не хотелось. Он сдался без сожалений. Взял в свои тонкие пальцы заждавшийся их карандаш, и принялся заполнять анкету.

ФИО: Инин Виталий Григорьевич (Да, отчество переключается с именем Печорина).

Возраст: 35 лет.

Род занятий: бухгалтер.

...

Добившись своего, начитанная ведьмочка удалилась, и скука Инина чинно вернулась на своё законное место. Какое-то время он разглядывал похожую на луну, тускнеющую желтоватым светом люстру над головой, выкрашенный голубым потолок; потом изучал нарисованные на стенах заведения облака и режущих их крыльями гигантских орлов, парящих в вышине белокрылых пегасов, а также каких-то порхающих чудных тварей, залетевших сюда явно не из этого мира. По мнению Инина, с одной стороны, такой дизайн выглядел вроде бы и безвкусно, а с другой было в нём что-то эдакое, сюрреалистичное что ли... По остающемуся полупустым залу, никуда не торопясь, фланировали редкие официанты в голубых, под цвет потолка, сорочках. «Планктон» уже поглаживал своей пассивной ручку. Пассива, замерев от наслаждения и счастья, глядела ему в глаза восторженно и любовно.

«А ведь скука моя не абы какая, – размышлял с присущей ему меланхолической иронией Инин. – Она у меня Печоринская. Такой скукой и погордиться не стыдно».

Он поглядел на часы. Они показывали без пяти девять. Однако, когда уже придёт Светлаков? Сегодня он бьёт все рекорды по опозданиям.

– Виталий! – Инина сзади стукнули по плечу.

Он обернулся. За спиной снова стояла она. Ведьмочка. И снова он не заметил откуда она появилась. Её из без того большие глаза стали просто громадными. Это испуг. Рыжие волосы растрёпаны, разломачены так, будто бы ведьмочка, летя на своей метле, попала в торнадо. Симпатичная грудь под обтягивающей её чёрной блузкой вздымалась и опускалась в ритме галопа.

– Там... там... – она судорожно махала рукой назад, себе за спину, в сторону незаметной двери, ведущей на ещё недостроенную курилку на свежем воздухе. – Он напал на меня. Я покурить вышла, а он напал. Я... я вырвалась. А телефон у него. Выронила телефон я...

– Стоп! – Инин выставил руку с открытой ладонью вперёд. Девушка замолчала.

– Кто напал?

– Мужчина. Я не знаю его. Не знаю, что он хотел. Мой телефон у него, – она снова затараторила.

– Стоп, – повторил Инин. – Чего вы хотите?

– Пожалуйста, помогите!

Естественно, вопрос «чего вы хотите» был совершенно излишен. И слабоумный вмиг понял бы чего она хочет. Инин не считал себя трусом. Напротив, подобно Печорину, он относил себя к людям, которым мало есть, что терять. Просто, в отличие от «планктона» за соседним столом, он понимал истинный смысл изречения «Путь длиной в тысячу ли начинается с первого шага». Понимал, разделял и руководствовался. А смысл его вовсе не в том, что любое сложное дело начинается с малого, нет. Лао Цзы имел в виду то, что каждое из деяний неизбежно приводит к последствиям, и делая первый шаг, ты можешь быть обречённым пойти по

длинной дороге, множащей безрассудство, а значит, страдания. Жизнь и так довольно глупа и бессмысленна, так зачем же усугублять? Дао – путь недеяния. Просто следуй своей судьбе – плыви по течению жизни без сопротивления, плыви без судорог и борьбы. Жизнь хоть и глупа, но умнее тебя.

– Правильней будет, если вы обратитесь к охране, – ответил Инин.

– Но пока я найду охрану, он уйдёт! А у него мой телефон. Там все контакты, там работа моя, там всё! – Пухлые губки девочки жалобно задрожали, из испуганных глаз двумя ручейками катились слёзы.

«Не вмешивайся! – приказал себе Инин, – только хуже сделаешь». Он не двинулся с места. Он заставил себя даже не шевельнуться.

Девушка прикрыла лицо ладонями, и сгорбившись, сомнамбулой, побрела прочь, куда-то вперёд по залу.

Как понять куда плыть, чтобы следовать течению жизни?

«Что же я делаю, идиот?» – ругнулся про себя Инин, и резко поднялся. В четыре размашистых шага оказался у двери в курилку, решительно толкнул её рукой.

В лицо ударил морозный воздух. Здесь, на недостроенной ещё летней площадке для курения, было темно. Инин споткнулся о мешок с цементом. Осмотрелся. На полу – ведра, мешки, пара рулонов толя, строительные козлы у стены. Тихо. Сюда, до крыши двадцатипятиэтажной башни, почти не долетали звуки города. Да нет здесь никого! Видимо, умыкнувший телефон тип успел ретироваться. Если, конечно, он вообще существовал. Надо бы фонариком посветить. Инин полез было в карман за телефоном, но тут дверь за его спиной открылась, полоска света легла на усыпанный окурками пол. Из-за двери пугливо выбралась потерпевшая. Дверь, снабжённая доводчиком, автоматически закрылась. Снова стало темно.

«Ну и где твой злодей? – спросил Инин. – Что-то не вижу я здесь никого».

Девушка настороженно озиралась.

«Так вот же он! Вот!» – она выбросила левую руку в сторону, и отшатнулась назад к двери.

В левом, самом тёмном, дальнем от Инина углу что-то зашевелилось, будто бы там ожила сама мгла.

«Эй ты! – рявкнул мгле Инин, – А ну, вылезь оттуда! Сюда иди!»

Мгла задвигалась, начала приближаться. Медленно. Очень медленно. Приближаясь, тьма приобретала человеческий облик. Мужчина. Не чтобы крупный, но и не маленький, на вид крепкий. Лица у мужчины не было. Вместо лица – три дыры, – две сверху, одна внизу.

«Балаклаву нацепил, клоун», – отметил про себя Инин.

«Слышь, ты! Телефон отдал», – он двинулся навстречу типу в балаклаве.

«Иеасэ рцонха! Иеасэ рцонха!» – хриплым голосом прокричал в ответ тот.

«Да ты, братец, по ходу, псих» – успел смекнуть Инин. В следующее мгновение тип бросился на него.

Напавший свалил Инина с ног, подмял под себя. Сильные пальцы вцепились в горло. Инин рванулся, пытаясь сбросить. Борющиеся покатались по полу в направлении невысокого бортика, отделяющего террасу от двадцатипятиэтажной пропасти.

Изловчившись, Инин ударил типа под дых, хватка ослабла. Ещё один рывок, переворот, и противник уже лежащий под Ининым, в следующий миг получил головой в лицо.

«По карманам шарь! Телефон ищи!», – крикнул Инин девице, прижимая руки противника к полу и давя коленом на грудь.

Пока она пыталась выпотрошить из кармана куртки громилы своё устройство, тот извивался червём, припадочно дёргал ногами, продолжая хрипло выкрикивать своё бестолковое «иеасэ рцонха», но Инина сбросить с себя не мог, – злодей оказался слабее, чем выглядел поначалу.

«Есть! Нашла!» – возопила «ведьмочка», чей низкий от природы голос завершал в диапазоне сопрано.

Едва она выхватила телефон, как поверженный было противник вдруг удивительно легко встал на мостик, скидывая с себя Инина.

Он снова стоял на ногах прямо напротив. В метре за ним бортик террасы.

«Иеасэ рцонха! Иеасэ рцонха! Да исполнится! Да исполнится!» – ополоумевши выкрикивал он.

«Всё придурок. Угомонись. Дай нам просто уйти и тебе ничего не будет», – попытался урезонить его тяжело дышащий Инин.

В ответ придурок издал львиный рык и сделал шаг в сторону Инина, но тут же получил удар в челюсть. Сильный и хлесткий. Инин никогда не ходил ни на каратэ, ни на бокс, но удар у него поставлен. Ещё в детстве, когда несмотря на запреты отца ежедневно бил грушу в доме у Светлакова.

Тип в балаклаве пошатнулся, на нетвёрдых ногах попятился, и повалился. Прямо на бортик. Бортик, который был так невысок...

Инину показалось, что он находится в дурном сне, или просто смотрит кино. Вот тип, будто в замедленной съёмке, начинает падать назад, на спину, переваливается через бортик... и вот его нет. Длинный протяжный удаляющийся вопль. Тишина.

Время остановилось. Инин ни за что не смог бы определить сколько он стоял в полном оцепенении. Две секунды? Минуту? Как только время снова пошло, первым побуждением было подойти прямо к бортику и посмотреть вниз. И он уже было шагнул, но перед ним, словно бы из ниоткуда выросла рыжая девушка.

«Стой! Зачем? Двадцать пятый этаж. У него не было шансов».

Девушка едва доставала высокому Инину голову до плеч и смотрела на него снизу вверх. В то мгновение в её больших глазах не было страха.

Эти слова будто выдернули его из омута, вернули в реальность.

«Ты права»

Сердце бешено колотилось, в ушах стучали отбойные молотки, но мысль работала чётко, холодно, ясно.

Статья 108. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Карается лишением свободы на срок до двух лет.

Статья 109. Причинение смерти по неосторожности. Карается лишением свободы на тот же срок.

(Недаром когда-то Инин выучил УК наизусть)

Здание на последнем этаже которого расположен ресторан, самое высокое в округе – вряд ли кто-то из окон соседних домов мог разглядеть происходящее на площадке, да и темно здесь.

Может быть, услышать вопль мог кто-нибудь в зале? (Вот когда Инин пожалел, что в ресторане нет музыки!) Но это тоже вряд ли: шумоизоляция здесь хорошая.

Значит, единственный свидетель – девчонка, которой даже имени он не знает.

Тут вспомнилась давешняя мысль: «Случилась бы какая-нибудь хрень со мной, чтобы повеселиться».

– Сбылась мечта идиота, – сказал он вслух.

– Чего? – не поняла девушка.

– Путь длиной в тысячу ли начинается с первого шага, – ответил Инин.

– Чего? – снова не поняла она.

– Соучастники мы теперь с тобой, вот чего. Спину помоги мне отряхнуть.

Приведя себя после потасовки в надлежащий вид, Инин давал распоряжения своей новой знакомой, поражаясь собственному хладнокровию.

– Сейчас ты уберёшь с лица испуг, выйдешь отсюда, спокойно пройдёшь через зал, спустишься в лифте и будешь ждать меня внизу, в холле. Я выйду через минуту после тебя, оплачу счёт и спущусь к тебе. Там будем решать, что делать дальше. Спокойно. Всё делаешь спокойно. Поняла?

– Угу. Угу, – девушка дёргано кивала в ответ.

– Давай.

После того, как дверь за ней закрылась, Инин вытащил сигарету из пачки. Пальцы дрожали. Сделав несколько нервных затяжек, он вышел в зал. Нарочито неспешно дошёл до столика, подзывая жестом официанта. Набрал Светлакова.

– Слышь, Юра, отбой. На сегодня всё отменяется. Форс-мажор у меня. Что случилось? Да бабулька только что позвонила. С сердцем ей плохо. Нет, спасибо. Сам справлюсь. Я тебе позвоню. Всё. Давай.

Свою горе-знакомую он нашёл забившейся в самый укромный уголок просторного холла. Сейчас, в своей розовой вязанной шапочке, она была похоже уже не на ведьму, – на испуганного лисёнка.

– Пойдём отсюда, – Инин легонько потянул её за рукав.

– У тебя машина на парковке, да? – вдруг спросила она.

– Какая машина? Мне за руль нельзя. Я же пил.

– А куда мы пойдём?

– Разберёмся, – Инин подталкивал её к выходу.

Они шли вдоль по улице, не имея никакого представления куда движутся. Обоим инстинктивно хотелось как можно скорей оказаться подальше от этого места. Просто оказаться подальше – сейчас это самое важное. Январь старался во всю свою силу, подвывал, гнал по земле позёмку. Навстречу, слепя фарами, крались по обледеневшей дороге машины. Оба молчали. Они не считали сколько кварталов прошли, когда девушка, наконец, пожаловалась: «Я замёрзла».

«Бывает», – ответил Инин.

На противоположной стороне улицы тёплым жёлтым светом горели окна; над окнами, ярко красным – вывеска: «Кафе Уют».

Внутри заведение выглядело глубоко провинциально, а проще говоря, дёшево. В иной ситуации пребывание Инина здесь ограничилось бы тремя секундами, но теперь эстетика не имела никакого значения. К счастью, в заведении оказался свободным столик, к тому же расположенный не на виду, с краю. Инин заказал водки.

– Звать-то тебя как? – он поднял глаза на рыжую спутницу.

– Алевтина. Можно просто – Аля.

– Значит так, Аля. Расскажи-ка по порядку, как всё это произошло. Ты чего на площадке делала?

– Покурить вышла.

– И?

– Закурила. И тут мне позвонили.

– Кто?

Аля недоуменно посмотрела на Инина.

– Мама.

– Так. Дальше.

– А потом этот ворвался. И сразу по руке меня ударил. Телефон выпал. Я выскочила. А дальше... ты сам всё знаешь.

– А этот, что, он сразу в балаклаве был?

– Дай вспомню. Нет. Точно нет.

– Внешность описать можешь?

– Да темно же там было. И потом, всё очень быстро произошло. Не успела я рассмотреть.
– А когда я зашёл, он балаклаву уже нацепил. Интересно, зачем. Хотя, – Инин махнул рукой, – какое это теперь имеет значение?

Официантка в кружевном переднике принесла графин водки. Инин разлил по рюмкам.

– Ну, давай!

– Нет. Мне лучше воды, – замотала головой Аля. – Я не пью.

– И даже по случаю такого стресса? – удивился Инин.

– Я не пью вообще. Никогда. – На Инина снова глядели глаза ведьмы – уверенные, пронзающие.

– Ну а я вот не удержусь. – Он опрокинул в рот рюмку. – Знаешь, до сегодняшнего дня мне как-то не приходилось никого убивать, кроме мух с комарами. Поэтому, – он налил вторую, – не удержусь.

– Он был плохим парнем, – произнесла киношную фразу Аля.

– Я догадался, – Инин саркастически улыбнулся, – и только это меня и утешает.

Он осушил вторую рюмку.

– Знаешь, единственно правильное, что мы можем сделать, это забыть. Забыть то, что случилось, как идиотский и страшный сон. Правда, я не уверен, что у меня это быстро получится.

– Виталик, – Инин физически почувствовал, как этот зелёный взгляд просто упёрся в него, – можно я так буду тебя называть?

– Да ты хоть горшком меня называй, только не суй никуда.

– Виталик, ты на крыше сказал мне, что мы соучастники. Это не так. – Она помедлила. – Я не соучастник. Я свидетель.

Инин напрягся.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что то, что случилось на крыше – неслучайно.

– Только не нужно мне толкать эзотерику про то, что вселенная нас учит чему-то или испытывает. И про карму задвигать тоже не нужно. Не верю я в этот бред. – Инин поморщился.

– Мне жаль тебя, если ты в это не веришь, но я сейчас о другом. Тут всё не то, чем кажется.

– Не темни, Алевтина, – Инин недобро прищурился. – Хватит играть со мной. Говори напрямую. Это шантаж? Хочешь что-то поиметь с меня за своё молчание?

– Шантаж? Поиметь? – она пожала плечами. – Даже не думала.

– Тогда что означают твои «я свидетель», «тут всё не то, чем кажется»?

– А то, что этот урод, которого ты опрокинул, пришёл туда не по случаю. И пришёл не за телефоном. Пришёл он туда за мной. На меня объявлена охота, Виталик. И сегодня она началась.

2

Он стоял, опершись рукою об оконный косяк и курил. В уютно натопленный кабинет пробирался морозный воздух; создав в тепле ветерок, играл с новогодней мишурой, что развешана на шкафах, проказливо шелестел бумажками на директорском столе, ерошил начавшие сесть волосы. Через открытое окно вместе с ледяным ветерком в кабинет залетали детский гомон, скрип качели, переключка ворон, монотонный металлический стук, окрики и брань воспитательницы.

«Смирнов! Отпусти её, чёрт дебелый! Отпусти, я сказала, а то башку твою безмозглую оторву!»

Это было непедagogично, но с таким контингентом по-другому – никак.

Он выпустил дым в окно. Заснеженный дворик. Покрытые инеем детская горка, качели, лесенки. Деревянные крокодил Гена и Чебурашка с шапками снега на головах. Над воротами – нарисованный собственными усилиями транспарант с надписью «С новым 2004 годом!»

Во дворике копошилась шумная ребятня. Самая обычная ребятня, как могло бы показаться на первый взгляд. Но это только на первый... .

Вот мальчик, что сидит на снегу и монотонно лупит лопаткой по брёвнышку. Это Вадик. Он делает это часы напролёт – лупит чем-нибудь по чему-то. Он делает это почти постоянно, если не ест или не спит. Опять шапку сбросил. На улице довольно морозно, но воспитательница не реагирует. За сегодняшнюю прогулку он сбросил её раз двадцать, не меньше. Сбросит и в двадцать первый. У Вадика умственная отсталость в степени идиотии.

Вот ещё один мальчик в розовой курточке. Носится по двору, брызжет слюнями, выкрикивая, как оглашенный, нечленораздельное «Вой! Вой!» Носится хаотично, бесцельно, зигзагами, сбивая с ног всех детей, что помельче него. У мальчика косящие, узкие маленькие глаза, плоские нос и лицо, вечно открытый рот с высунутым языком. Это Вася Смирнов, тот самый, который только что таскал Марфу по снегу за волосы и получил нагоняй от Елизаветы Петровны. У Васи синдром Дауна и умственная отсталость в степени имбецильности.

А вот и сама Марфа – худощавая девочка в сером пальтишке, – притулилась на корточках на самом краю площадки и ковыряет палочкой снег. В отличие от Васи, Марфа не доставляет хлопот: тихая, неактивная молчунья, всегда предпочитающая одиночество. Если у Васи глаза крохотные, то у Марфы огромные, выпученные, словно у аквариумной рыбки телескоп. Такое впечатление создаётся оттого, что у девочки очень маленькая голова; кажется, что у неё почти полностью отсутствует лоб, и волосы начинают расти прямым над бровями. Когда Марфа улыбается (а делает она это редко), становятся видны её большие и редкие зубы, покрытые коричневым, как жжённый сахар, налётом. У Марфы микроцефалия и имбецильность.

Впрочем, не все воспитанники дома-интерната для слабоумных детей отличались столь нестандартной внешностью и поведением. Были среди них и добродушные, управляемые и спокойные, общительные ребяташки. Симпатичные мальчики и красивые девочки. Порой даже очень красивые девочки в возрасте до восемнадцати лет... .

Он раздавил окурочек в пепельнице в форме сердечка. Из директорского окна, что на третьем этаже, вся передняя часть двора просматривалась, как на ладони. Он видел, что нескладный рослый паренёк, прилипнув к забору из сетки-рабицы о чём-то шепчется с девочкой с той стороны. Вот она что-то просовывает ему через сетку. Должно быть, конфетку или жвачку. Точно. Парнишка мусолит в руках полученное, бросает обёртку на снег и отправляет гостинец в рот.

Парнишку зовут Анатолием, ему четырнадцать лет, но выглядит он на все восемнадцать. Акселерат. У Толика лёгкая степень дебильности. Он добродушно-ласков, приветлив, доверчив, легко поддаётся внушению. Толик умеет читать и писать, умеет считать в уме. Его даже иногда отправляют в город, с разными поручениями. Видимо, так он и познакомился с этой девочкой за забором. Но на лицо парень форменный Квазимодо. Выдающиеся далеко вперёд, как у питекантропа, надбровные дуги, глубоко посаженные рыбы глаза, причём один из них расположен выше другого. Огромный картошка-нос, квадратная, скошенная нижняя челюсть, большущие, оттопыренные лопухи-уши. Как эта девчонка не испугалась такого монстра? Толик, как и многие здесь, сирота. Мать от него отказалась ещё в роддоме.

Сетка-рабица не лучшее ограждение для такого места. Если бы не некие обстоятельства здесь стоял бы забор из более надёжного материала. Директор озабоченно поиграл желваками. Толян, он хоть существо покладистое и беззлобное, но у этих дебилов лишь две доминанты: пищевая да половая. Как бы не вышло чего, хлопот потом не оберёшься.

«Елизавета Петровна! – крикнул он воспитательнице. – Всё, прогулку заканчиваем. И Ромео нашего от забора отлепи, – он указал на Толика. – Лопату ему в руки, и пусть снег убирает».

Дети, понукаемые хриловатым баском Елизаветы Петровны нестройной гурьбой, потянулись с площадки. Кто прихрамывая, кто покачиваясь, кто приволакивая за собою непослушную ногу.

Ошибки природы, балласт человечества, – думал он, глядя на них. Жизнь недостойная жизни. «Идиоты не имеют права на существование». Кто же это сказал, Гитлер или Ганс Гюнтер? Рейхсканцлер идиотов последовательно уничтожал. Спартанцы избавлялись от младенцев, которых даже он счёл бы достойными жизни. Влад Цепеш – небезызвестный граф Дракула, сжигал слабоумных, заперев в теремах: «Пусть не будет больных и увечных в земле моей, пусть не докучают они людям и не страдают сами». Современный же мир играет в гуманность. Ну-ну...

Директор закрыл окно. Заложив руки за спину, прошёлся к столу. Уселся в новенькое вращающееся кресло. Поглядел на часы на стене. Часы показывали половину одиннадцатого. Через полчаса в его вотчину пожалуют гости. Важные гости. А что касается ущербных его подопечных, что ж, они должны приносить хоть какую-то пользу. Хотя бы ему. Он имеет на это право.

Несколько раз подбросив в руке резинового чертёнка – брелок-талисманчик, приносящий удачу, директор набрал по внутреннему телефону заведующую отделением психолого-педагогической помощи.

– Аделаида Васильевна, получасовая готовность. Всех отобранных в большую игровую.

– Понято, Григорий Иванович.

Сегодня в интернат прибудет целая делегация. Серьёзные чиновники во главе с самой Коржиной – министром социальной политики области. Будет замдиректора химкомбината. Будут те, кого ныне принято величать «представители бизнеса»: президент акционерного общества, парочка директоров ООО с солидным уставным капиталом, владелец сети ресторанов семейной кухни. Будут те, кого Григорий Иванович за глаза называл прихлебателями – представители благотворительных фондов. Будет даже один известный на всю страну режиссёр. Все они потенциальные спонсоры. Ведь это так модно и выгодно – продемонстрировать заботу об убогих и сирых.

Когда кортеж из нескольких дорогих авто и двух микроавтобусов подкатил к неказистым воротам детского дома, встречающие были во всеоружии. Наиболее адекватные и миловидные воспитанники в сопровождении сотрудников и с директором в первых рядах, выстроились у входа. Люба Митрофанова – тоненькая, редкой красоты, шестнадцатилетняя девушка, на которую в честь данного случая надели кокошник, поднесла гостям хлеб-соль на расшитом красными узорами полотенце.

По взмаху руки Аделаиды Васильевны дети хором проговорили сочинённое лично директором четверостишие.

Мы – это будущее

Мы ваше потом.

Рады приветствовать!

Заходите в наш дом!

Григорий Иванович, широко улыбаясь, пожал руку каждому из прибывших. Рукопожатие с Коржиной длилось на мгновение дольше, чем с остальными. За это время она успела ему шепнуть: «это твой шанс, Гриша», а он незаметно подмигнуть ей в ответ.

«Милости просим! Милости просим!» – директор, радушно кланяясь, прижав одну руку к груди, а другой указывая на входную дверь, приглашал всех войти.

Проведя по длинному коридору, гостей отвели в просторную, внушительных размеров комнату, которая именовалась здесь «большой игровой». Она служила разным целям: была игровой зоной, местом проведения утренников и собраний, комнатой отдыха, учебным классом. Вдоль стен, покрашенных в спокойные тона, располагались этажерки с детскими поделками, стенды с рисунками, магнитные доски, пестрящие наклепленными на них разноцветными буквами; сидели плюшевые медведи и мягкие огромные ежи; лежали шары-прыгуны всех размеров и цветов радуги; стояли розовые софы, сиреневые пуфы, уютные малиновые кресла. Пол был укрыт ковровыми дорожками. На свежих занавесках красовались весёлые попугайчики. В большом аквариуме резвились золотые рыбки. По центру, сверкая гирляндами, гордо высилась роскошная новогодняя ёлка. Всё в этой комнате выглядело идеально новым, чистым, образцово-показательным. Директор позаботился о том, чтобы лучшее убранство дома было сосредоточено именно здесь.

За расставленными в шахматном порядке круглыми столиками, сидели дети разных возрастов. С усердием муравьёв, дети лепили, рисовали и вышивали. Кто-то выстраивал из кубиков слова, кто-то пытался сложить мозаику, кто-то клеил в альбом полоски цветной бумаги, а кто-то, к тщательно скрываемому неудовольствию персонала, просто считал ворон.

«Вот наши сокровища, – директор обвёл руками большую игровую. – Вот наша радость и наши слёзы».

«Здравствуйте, дорогие гости!» – ответил нестройный хор детских голосов, повинувшись жесту директора.

«Продолжайте заниматься, ребята», – сказал директор, обращаясь к воспитанникам.

«Вот так мы живём», – сказал директор, обращаясь к гостям.

Марфа, высунув от старания язычок, лепила из пластилина то, что должно было стать медведем. Выходило неважно. Пальчики не желали слушаться, но девочка не сдавалась.

– Все наши дети особенные, – продолжал Григорий Иванович. – Я имею ввиду вовсе не некоторые их ограничения, а то, что каждый из них – личность, со своей уникальной историей, со своим неповторимым характером, со своими мечтами, со своими талантами. Да! Все наши дети талантливы. Просто надо этот талант разглядеть и раскрыть.

– Вот наша Марфа, – директор погладил рукою волосы на её маленькой голове. – Марфа занимается лепкой. Так мы развиваем тонкую моторику. Что ты лепишь, милая моя? Медвежонок? Марфа у нас знает все буквы. Это уже огромное достижение при её заболевании. Но мы на этом не остановимся. Я уверен Марфа со временем освоит и чтение, и письмо. Да, моя девочка?

– А этого молодого человека зовут Анатолий. – Директор подошёл к парню, тому самому, которого час назад застучали у забора. Парень сидел на диване и споро орудовал спицами, довязывая носок. – Как видите, Толик вяжет. Но этот талант у него не единственный. Наш Толик одарённый художник. Его работы на наших стендах. Вы можете ознакомиться. Милости просим! Мы всегда думаем о будущем трудоустройстве наших воспитанников. Толик станет у нас маляром. А если будет очень стараться, то освоит специальность художника-оформителя. Да, Толик? Ты же будешь стараться?

Гости разбрелись по большой игровой, разглядывая стенды и заводя разговоры с детьми. Директор, будто бы невзначай, оказался рядышком с Коржиной.

Коржина Коржина... Далеко пошла. Всего сорок с хвостиком, а уже министр. А ведь когда-то сидели на одной институтской скамье. Приятели по универу. Теперь она министр, а он всего лишь руководит богадельней. Ничего. У каждого свой путь, и у каждого своё время. Он умеет ждать.

Стараясь не показать, что она с ним на короткой ноге, держась подчёркнуто официально, Коржина тихонько сказала ему: «Ты в основном зама окучивай. По моим данным химкомбинат больше всех отстегнуть готов».

– Все наши ребята остро нуждаются в современных средствах реабилитации, – продолжил свою речь Григорий Иванович, глядя при этом на замдиректора химкомбината. – Нам нужны специализированные тренажёры, новое оборудование для кабинета физиотерапии. Хотим организовать солевую комнату – у многих наших детишек сопутствующие лёгочные заболевания. Необходимо открыть отделение профподготовки. Нужен компьютерный класс. Нам нужно...

Григорий Иванович прервался. Прервался оттого, что «химик» отвлёкся. А отвлёкся он потому, что в большую игровую вошла Люба Митрофанова. В руках Любы опять был поднос. Но на этот раз не с караваем, а с керамическими кружками с продетыми сквозь них яркими лентами, отчего кружки были похожи на наградные медали, что вручают победителям соревнований.

– А это наши сувениры в подарок вам, дорогие гости, – сказал директор, – на память о вашем посещении. Наши ребята сами их изготовили.

– А это наша Люба, – добавил Григорий Иванович, видя, как замдиректора уставился на девочку.

Люба и впрямь была более чем хороша. Высокая, грациозная, в обтягивающих брючках и топике, она казалась девушкой весьма созревшей – с оформленной попкой и не по годам развитой грудью.

– А кем Любочка хочет стать? – к ней подскочил одетый, как попугай мужчина.

«Это тот самый режиссёр, наверное», – подумал Григорий Иванович.

– Люба станет швей-мотористкой, – поспешила ответить за девушку Аделаида Васильевна.

– Ну, может быть, мы всё же у самой Любы спросим? – не унимался киношник. – Кем ты хочешь стать, Люба?

– Манекенщицей, – ответила девочка, опустив голову и покраснев.

Замдиректора сдержанно рассмеялся, а вместе с ним и Коржикова, и все остальные. Не смеялась лишь Аделаида Васильевна.

– Может быть, моделью? – переспросил режиссёр.

– Да. Моделью, – закивала головой Люба. – И манекенщицей тоже...

Все опять рассмеялись. И даже Аделаида Васильевна улыбнулась.

– А хотела бы в кино сняться? – вдруг задал вопрос фильмодел.

– Да! – Любины глаза загорелись, и она тут же опять покраснела, смутившись.

– Вот подрастёшь, я тебя обязательно в фильме сниму.

«Как же! Снимешь ты», – подумал Григорий Иванович.

Замдиректора химкомбината умиленно улыбался. Григорий Иванович облегчённо вздохнул. И в тот самый миг грянул звук. Звук, который напоминал сирену. «Воу-воу-воу!» – раздавалось в большой игровой. Это Вася Смирнов метеором нёсся по комнате. Сметая на своём пути детскую инвалидную коляску, два стульчика и слона-каталку, он с разбегу врезался головой в пах замдиректора. Тот скривился и закричал.

«Чёртов урод, чтоб ты сдох!» – выругался про себя на Смирнова Григорий Иванович. И тут же подхватил Васю на руки.

– Вася! Васенька. Всё хорошо. Успокойся, малыш. – Директор прижимал ребёнка к своей груди. – Извините, пожалуйста! – он обращался к «химику». – У мальчика нестабильная психика, расторможенность... Нам не хватает современных лекарств, нам нужно организовать комнату релаксации, нам нужно...

– Поможем, поможем, Григорий Иванович, – закивал головой замдиректора.

Когда делегация отъезжала, и гости рассаживались по машинам, Коржикова чуть задержалась, отведя директора интерната в сторонку: «Могу тебя порадовать, Гриш. Химкомбинат даёт добро на пожертвования. Сумма тебя удовлетворит».

Вечерело. Он стоял на крыльце центрального входа. Шёл мелкий предновогодний снежок. Пахло свежестью и кислой капустой из кухни. Сегодня был хлопотный, но удачный день, который можно смело ставить себе в зачёт. Немного портит настроение только то, что этот придурок с мурлом Квазимодо опять милуется с девчонкой из-за забора. Да, сетка-рабица – это, конечно, не то, что здесь нужно.

Но сетка-рабица здесь потому, что деньги на более сносный забор, осели в его кармане. Как и деньги на новый спортзал, на бассейн, на реабилитационную комнату... Ну, не только в его. В деле ещё Аделаида Васильевна и Елизавета Петровна. А также главбух. Куда ж без него? Должен же балласт человечества приносить какую-то пользу. Хотя бы кому-то.

Широким шагом он направился к беседающей через сетку парочке.

– Жовнов! Ты какого чёрта опять тут делаешь, урод хренов!

Толик вздрогнул. Вжал голову в сутулые плечи. Девочка попятилась и припустилась бежать по улице прочь.

– Слышишь, урод! – он схватил мальчишку за шиворот и что есть силы встряхнул. – Ещё раз тебя здесь увижу, отправлю в холодный бокс. Ты хочешь в холодный бокс?

Толик побледнел, затрясся всем телом, помотал головой.

– Пшёл вон отсюда!

Толик мгновенно скрылся. А он ещё долго смотрел вслед удаляющейся вдаль по улице девочке, думая: «Девчуля красивая. Сколько ей? Лет десять, наверное. Годков через пять появятся попка и талия, вырастут грудки. Роскошная будет кукла. Даже Любе до такой далеко. Много охотников на неё появится. Да я бы и сам поохотился, – он вздохнул, – будь она в моей юрисдикции...»

3

Сквозь раннюю темноту зимнего вечера, мимо пёстрых витрин и нагромождённых вдоль обочин сугробов, мимо холодных громад новостроек, мимо прихваченных январским морозцем прохожих, двигаясь в плотном потоке машин, Инин вёл свою роскошную «Ауди А8L» в те места, где деревья были большими. Когда-то были большими. Туда, где, казалось, было вечное лето. Где в другой жизни, миллион лет назад, бабушкина однушка в хрущёвке, всегда пахнувшая сдобными булочками и ещё чем-то вкусным, представлялась ему волшебным дворцом, полным чудес и открытий. Каждая, на первый взгляд, заурядная вещица превращалась в бабушкиных устах во что-то безусловно диковинное. Обычное сито в ловушку для снов, полинялый и ветхий платок в скатерть-самобранку, которая не работает лишь потому, что позабыто к ней заклинание, а старая скалка – в волшебную палочку. Да и сам Виталя, если послушать бабушку, не просто обычный мальчик. Он маленький чародей и волшебник, только люди об этом не знают. Да никто и не должен знать, потому что это их с бабушкой тайна.

– Инин, а что бы делал, если б ты точно узнал, что жить тебе осталось пару недель? – вдруг спросил сидящий рядом, на пассажирском сидении Светлаков. Это было вполне в его стиле, ни с того ни с сего вдруг ошарашить вопросом, которого ты совершенно не ждал.

– А ничего бы я не делал, – ответил Инин, не поведя бровью. – Моя жизнь никак бы не поменялась. Так же ходил бы на свою работу поганую. В пятницу, как обычно, бухал бы с тобой, в субботу навестил бабку, в воскресенье валялся бы дома с книгой. К чему дёргаться, если всё равно ничего изменить не можешь? К чему дополнительный стресс от изменения привычного уклада жизни? Как там у Пушкина? «Привычка свыше нам дана, замена счастию она».

– Скудный ты человек, Инин. А знаешь, что бы я делал? Тут же бросил работу, против которой, я в отличие от тебя, ничего не имею. Первую неделю провёл бы с семьёй. Накупил бы Вальке духов и платьев, спиногрызам своим – гаджетов всяких. А на второй неделе подался бы я в Непал, в Гималаи.

– Ой, Юра, банально-то как. – зевнул Инин.

– Плевать, что банально, – продолжал Светлаков. – Напросился бы к монахам в пагоду, что высоко-высоко в горах. Крутил бы молитвенные барабаны, пел бы мантры, думал о вечном, или вообще бы ни о чём не думал, а просто был... А в последний свой день отправился бы на восхождение. Поднялся бы высоко-высоко, туда откуда весь мир на ладони. И всё. И ушёл в нирвану.

– Ждут там тебя, в нирване! – Инин, включив поворотник, перестроился в другой ряд. – Кстати, не выйдет у тебя ничего, Светлаков. В Непал виза нужна, а за неделю ты её не получишь.

– Скучный ты человек, Инин, – повторил Светлаков. – Вот вроде всё у тебя, чтобы быть счастливым, а ты... – он махнул рукой.

– А мне по фигу.

– Да знаю я, что тебе пофигу. Только не так, как просветлённому, свободному от привязанностей: тот пребывает в покое и радости. Тебе же, Инин, как-то постыло пофигу.

– Согласен. И что теперь?

– Ты непрошибаем. И зачем я только с тобой общаюсь?

– Вот затем и общаешься, что непрошибаем, – улыбнулся Инин. – Я-то зачем с тобой?

– А потому что я мудр, как Сенека, – сказал Светлаков. Оба расхохотались.

Они дружили с детского сада. Жили в одном дворе. Десять лет просидели в школе за одной партой. После Светлаков поступил в медицинский, Инин – на экономический факультет. В свои тридцать пять, Инин дорос до должности главного бухгалтера в нефтяной компании, Светлаков – до заведующего отделением в городской психбольнице. Инин проживал один в новой элитной квартире, за которую уже выплатил ипотеку, Светлаков с женой и детьми – в старой малогабаритке, оставшейся в наследство от бабушки. Встречаться по пятницам они начали лет пять назад. Как-то само собой так получилось. Незаметно это стало их ритуалом, отменить который мог лишь истинный форс-мажор. Встречались всегда на нейтральной территории. В малюсенькой квартирке Юрия, при наличии домочадцев, поговорить по душам было сложно, а к себе Инин не пускал никого. Он и с женщинами встречался в гостиничных номерах. «Мой дом – моя крепость». Пустить в свой дом для него означало пустить в свою душу, а вход туда был заказан для всех. Даже Светлаков допускался только в переднюю. Светлаков это знал, и не обижался. Он вообще ни на что не обижался... Как, впрочем, и Инин.

Машина пересекла черту, где лес строящихся многоэтажек обрывался, уступая место рядам невысоких, жмущихся друг к другу хрущёвок. Этот бетонный лес походил на гигантского зловещего монстра, равнодушного, ледяного, что надвигаясь на присмирившие хрущёвки, медленно и неотвратимо пожирал их, стирая с лица земли прошлое, тёплое и родное. «Ну и пусть себе пожирает, – думалось Инину. – Глупо противиться неизбежному. Единственная постоянная вещь – непостоянство». Доживёт ли бабушка до того дня, когда её дом сломают, и переселят на последний этаж свежестроенного многоэтажного чудища? Инину хотелось бы, чтобы нет. Но, с другой стороны, он желал, чтобы бабушка жила вечно. С одной стороны, чтоб жила, с другой, чтобы не дожила. Странно это.

Он свернул с проспекта на узкую улочку.

– О! Родные места, – узнал Светлаков. – Где-то здесь твоя бабка жила.

– Она и сейчас живёт.

– Помнишь, ты в гости меня к ней водил?

Инин кивнул.

– Тогда ты совсем другим был.

– Каким?

– Живым.

– Все мы были другими. Я тут ресторанчик нашёл. Тихий, без музыки.

Юрий вздохнул.

– Не вздыхай, Светлаков. Зато там настоечки подают. Качественные, домашние, как ты любишь.

Инин припарковал авто на стоянке у заведения в стиле русской избы с резными наличниками на окнах. В заведении было тепло, как на маленькой кухне с включённой на всю мощь духовкой.

Усевшись за стол, Светлаков с довольной улыбкой оглядывал бревенчатые стены с полками, уставленными всевозможными матрёшками, горшками и крынками, потолок из неотёсанных досок, зелёный бархатный абажур над головой; потёр пальцами грубую домотканую скатерть.

– А здесь недурственно!

– Тебе везде недурственно, восторженный ты идиот. – Инин раскрыл меню. – А как по мне, так дизайн совершенно безвкусный. Единственное достоинство этой халупы, что музыки нет. Чего заказывать будешь?

– А тебе везде плохо, сноб ты надутый. И как ты достал уже со своей музыкой! Борщ и салат оливье хочу. И пельмешки ещё.

– А то тебе дома жена пельмешки не лепит.

– Не лепит, покупные берём.

– Девушка! – обратился Инин к подросшей официантке в расписном сарафане. – Нам две порции борща, пельменей и салат оливье. А также настойки анисовой, клюквенной и малиновой. Каждой по триста грамм. И меню здесь самое затрапезное, – объявил он, как только официантка ушла.

– Тебя хоть что-то в жизни радует, Инин?

– Только твоя рожа по пятницам. Особенно, когда она пытается меня вразумить. Видишь ли, я получаю удовольствие, видя тщетность твоих стараний. – Инин улыбнулся уголком рта.

– Ты знаешь, что твоё имя значит?

– Да уж наслышан.

– Вита по латыни – жизнь, а ты... какой-то ты нежизненный, Виталий! – Светлаков сделал паузу. – Стал.

– Началась сказка про белого бычка. – Инин картинно зевнул. – Что ж, я готов её послушать в тысячный раз.

– Вот ты на скуку жалуешься... – начал было Светлаков.

– Позволь тебя поправить, – перебил Инин, – не жалуясь. К скуке своей я привык, отношусь к ней с принятием и уважением.

– Но ведь есть всякий экстрим, – продолжал Светлаков, будто бы не услышав Инина, – фрирайд, например, альпинизм, прыжки с парашютом, рафтинг, да много чего. Того, что даёт адреналин и, как побочный эффект, хоть какой-то вкус к жизни.

– Эх, Светлаков, – Инин покачал головой. – Если бы ты хоть иногда почитывал классику, хотя бы в объёме школьной программы, ты бы знал, что случилось с Печориным на Кавказе.

– И что?

– А то, что к жужжанию чеченских пуль он быстро привык. И я более чем уверен: со мной произойдёт то же самое, займись я твоим рафтингом или скалолазанием. И потом, всё это суррогаты – попытки искусственно придать своей жизни смысл. А истина в том, Светлаков, что смысла в жизни никакого и нет. Просто в отличие от тебя и от многих, у меня есть мужество это признать.

– Да ты болен, Виталя! Знаешь, как твоя болезнь называется? Депрессия пустоты или экзистенциальный невроз.

– Ну так полечи меня, доктор! – Инин сложил ладони и соорудил страдальческое выражение на лице.

– Да тебя лечить, только портить, – махнул рукой Светлаков.

Официантка принесла три графина с настойками.

– Ну что, эскулап, вздрогнули? – Инин поднял рюмку. – А вот настоечки, в отличие от всего остального, здесь и правда зачётные.

Неподалёку от них, заняв место за столиком в соседнем ряду, проводили вечер две дамы, внешность которых Светлаков оценил: «гляди, какие роскошные!», а Инин: «так себе, ничего особенного». Одна из дам, та, что была в дерзко маленьком чёрном платье, украдкой (или делая вид, что украдкой) поглядывала на Инина.

– Гляди-ка, как на тебя пялится, – заметил ему Светлаков. – Ну да, ты же у нас красавец, а у меня харя деревенская и нос приплюснутый.

Инин очаровывал женщин играючи. Женщины влюблялись, теряли голову, изменяли мужьям... Инин же всегда оставался внутренне холоден, не испытывая к ним ничего, кроме вожделения и спортивного интереса. Когда-то он был Казановой, через постель которого прошло столько женщин, что он сбился со счёта. А потом всё наскучило. Случилось это, по выражению самого Инина, скоропостижно. В единый миг пришло озарение, что весь этот процесс охоты и соблазнения до тошноты прост, бессмыслен, а самое главное, жалок. С тех пор он начал проводить пятничные вечера в компании Светлакова, по субботам навещал бабушку, а в воскресенье целый день валялся на диване с книгой, один в своей шикарной пустой квартире.

– Две разведёнки, обеим под сорок, но молодятся, поэтому кажется, что им до тридцати, – тоном ленивого эксперта проговорил Инин. – Пришли, как мы с тобой, поболтать, но в принципе не исключают возможности кого-нибудь закадрить, и продолжить вечер в другой обстановке.

– Ну ты у нас прирождённый психолог, – Светлаков отправил в рот вилку с салатом. – Прочёл их, как рассказ.

– Как букварь, – поправил Инин.

– Ну что, приударишь за той вон, что в чёрном платишке?

– Уволь, Юра, – Инин зевнул. – Я в эти игры давно не играю.

– Да, – закивал головой Светлаков, – и женщины тоже тебя не интересуют. Пресыщение. Эх, будь я на твоём месте!

– Да ты завидуешь мне что ли? А, Юр?

– Завидую. И не скрываю.

– А хочешь я тебя с той в чёрном платье познакомлю? Мне ж пару пустяков.

– Так она ж не на меня – на тебя пялится.

– А это неважно. Для неё сейчас на безрыбье и рак рыба.

– Это ты, значит, рыба, а я, значит, рак? – Светлаков сделал вид, что обиделся.

– Так познакомить?

– Не надо.

– Из-за жены? Ты у нас верный муж, так ведь?

– Знаешь что, Инин. Вот у тебя зарплата космическая, квартира в элитке, машина отпадная, и красавец ты писанный, и харизма у тебя сумасшедшая, и бабы на тебя пачками вешаются, а всё равно, ни за что бы не хотел местами с тобой поменяться. Хоть и завидую.

– А я бы с тобой хотел, – сказал Инин серьёзно. – Хоть и не завидую.

– Глянь-ка, – Светлаков мотнул головой в сторону соседнего столика. За ним сидела женщина в чёрной, как ночь парандже. Откуда она могла появиться показалось друзьям загадкой: оба готовы были поклясться, что ещё десяток секунд назад этот столик был пуст.

– Так. Мусульманка. – констатировал Инин.

– Блин. Баба в чадре.

– Это не чадра, Светлаков. Это паранджа или бурка. Чадра имеет прорезь для глаз, а в парандже на месте прорези – сетка, поэтому даже глаз не видно.

– Откуда такие познания?

– У меня мать с отчимом в Дубае живут, забыл? Вот перед тем, как в гости к ним ехать, решил поинтересоваться.

– Ага. Слушай, а им же, ну, мусульманам, вроде нельзя злчные места посещать?

– Да посещать-то можно. Нельзя запретную еду кушать и запретное питьё пить. Тут странновато другое: насколько я знаю, мусульманка не должна посещать такие места одна, без разрешения отца или мужа.

– Ну, может, отец или муж у неё дюже продвинутые, демократичные, – предположил Светлаков. – Что скажешь? Ты ж у нас людей, как букварь читаешь. Прочти-ка эту мадам.

– А не могу я её прочитать. Я же в основном по лицу читаю, а у этой лицо сеткой закрыто, – лукаво улыбнулся, повеселевший от выпитой настойки Инин.

– И всё-таки удивительно. Баба в таком наряде. Здесь?

– Не вижу ничего удивительного. Я такую уже третий раз за неделю встречаю. Однако, ты мне зубы не заговаривай, Светлаков. Знакомиться с девушкой будешь? – он показал глазами на столик с понравившейся Светлакову красоткой.

– Отказываюсь.

– А хочешь, она сама к тебе подойдёт?

– Сама? Интересно, как ты это устроишь? – Светлаков заинтриговался.

– Как устрою, говоришь?

Инин достал из внутреннего кармана пиджака блокнотик и ручку, вырвал листок, и что-то написал на нём. Взмахом руки подозвал официантку, нашептал ей тихонько на ухо, указывая на столик с дамами и отдал листок. Официантка, кивнув, удалилась.

У Светлакова зазвонил телефон. Жена.

«Будто что-то почуяла, вот ведь ведьма!» – подумал Инин.

Светлаков говорил с женой. Захмелевшие дамочки, громко беседуя и смеясь, кидали в сторону их со Светлаковым столика всё более откровенные взгляды. Мусульманка, затащив под сетку паранджи чашку, попивала чаёк. Инин поймал себя на ощущении дежавю. Без сомнения, он уже всё это видел. Вот только где и когда? Стоп. Во сне. Два или три дня назад. В путаном и дурном сне. Там было намешано много разного. Был седобородый раввин в чёрной ермолке и с белым молитвенным покрывалом на шее, арабские шейхи, обнажённая рыжеволосая женщина с крепким красивым телом, лица которой Инин не разглядел, падение с высоты, заснеженный склон, лабиринты тёмных и сырых коридоров, покойники в морге, тупики, ядовитые змеи, погоня, ощущение смертельной опасности, Светлаков... Светлаков в беде. С ним происходит что-то непоправимое. Лица одноклассников, бабушка, отчим... Ещё в этом сне было рыжее трескучее пламя, и два маленьких зелёных, будто чьи-то глаза, огонька, мерцающих на фоне его полыхания. И, без сомнения, был этот самый зал, этот стол с пельменями и графинами с недопитой настойкой, и мусульманка в парандже, пьющая чай, и две начавшие хмелеть флиртующие дамочки, и Юрка, что беседовал с женой по телефону, и то, чего бы Инину категорически не хотелось...

Не хотелось думать, не хотелось вспоминать, не хотелось признавать. Ощущение, которым был пропитан сон. Парадоксальное. Неоднозначное и трудно выразимое. Щемящее, сладко-тоскливое и тревожное-манящее, оно как будто обещало полную радостных чудес весну, и предрекало хмурую, пахнувшую скорой смертью осень, от него веяло чем-то давно забытым, родным, тёплым и светлым, и одновременно тянуло жутким могильным холодом, вселяло надежду и ставило крест. И всё было бы ничего, если бы сны, сопровождаемые этим ощущением, не имели одной особенности. Обычно они сбывались.

Сейчас такие сны почти не снились Инину, но в детстве это было обыденным делом. Так, маленький Виталик без труда мог предсказать завтрашние дождь, простуду, двойку в школе, потерю бабушкиных очков, а также увидеть во сне место, где оказалась пропажа; знал где

найти в очередной раз потерявшегося кота, исчезнувшие струны от папиной гитары, мамино колечко... Недаром бабушка называла его волшебником. Она же предложила ему рисовать сны. Выходило неплохо. И бабушка говорила ему: «Ты не только волшебник, но ещё и художник».

Но как-то он предсказал гибель кота, позднее – развод родителей, а ещё позднее – смерть отца. Всё сбылось. После этого Виталик перестал рисовать свои сны.

Инин смотрел на друга. Светлаков балагурил с женой, улыбался, травя незатейливый анекдот.

«А ведь они уже одиннадцать лет в браке», – посчитал Инин. – И, конечно, я ведь ворую его у неё каждую пятницу». Тут что-то кольнуло у него в груди. Не то, чтобы сильно – чувствительно.

Закончив, Светлаков отложил телефон, разлил по рюмкам настойку.

– Знаешь что, Светлаков? – сказал Инин. – Я бы завидовал тебе, если б мог. Хоть твоя радостная философия достойна ума идиота, всё-таки ты по-своему счастлив. Ты любишь жену, семью, работу. Пусть всё это иллюзорно, но твоя бездарная жизнь чем-то наполнена. А моя пуста, как ржавая бочка.

– Так в чём проблема? – Светлаков хмыкнул. – Смени работу, женись.

– Сменить работу? – ухмыльнулся Инин. – Чтобы, как ты на раздолбанной «Ладе» ездить и в дешёвой двушке потолок коптить? А женитьба и я... Ты издеваешься что ли? Есть ли в мире две вещи более несовместимые?

– Ну и не завидуй тогда. – Светлаков взялся за рюмку. – Давай лучше выпьем.

Тем временем официантка поднесла дамам бутылку шампанского. Приятно удивившись, они о чём-то спросили её, она жестом показала на столик Инина и Светлакова. Увидев это, Инин приветственно помахал дамам рукой. Спустя пару минут, одна из них, та самая, что в чёрном маленьком платье, поднялась и подошла к столику Инина и Светлакова.

– Хочу поблагодарить вас за презент, – кокетливо сказала она, глядя на Инина.

– Не стоит благодарности, – галантно ответил Виталий. – Тем более, что это презент не от меня, а от моего друга. Прошу любить и жаловать, Юрий! – он указал на Светлакова.

– Здравсте! – смущённо поздоровался Светлаков.

Дама бегло кивнула в ответ, и продолжая смотреть на Инина полным восхищения взором, воскликнула: «Но это же «Рюинар»! Моё любимое шампанское. Как вы узнали?»

– Это не я узнал, это он, – Инин кивнул на друга.

– Нет он, – поспешил откреститься Юрий.

Дама изменилась в лице.

«Ну вы определитесь сначала кто же из вас узнал», – она надула и без того пухлые губы, и обиженно цокая каблуками, вернулась к своей подруге.

– Ну вот, Светлаков, ты всё испортил, – Инин с шутливым укором глядел на друга. – Девушку разозлил.

– А действительно, как ты узнал? – глаза Светлакова были широко распахнуты от удивления.

– Ну, я просто догадываюсь о чём они думают. В смысле, женщины. Не всегда попадаю в точку, но чаще всего получается.

– Вот почему бабы от тебя с ума сходят! Ты не только очаровательный негодяй, ты ещё телепат. Ты их мысли читаешь! У тебя точно экстрасенсорные способности есть. Я ещё в школе об этом тебе говорил.

– Юр! – Инин поморщился. – Тебе ли, врачу-психиатру, говорить об экстрасенсорике? Экстрасенсорика, парапсихология, эзотерика и прочая лабуда – удел шарлатанов и шизофреников. Ты и сам это хорошо должен знать, и нести эти знания в тёмные массы.

Веру в свои якобы чудесные способности, как и веру в то, что таковые вообще существуют в природе, Инин проклял бессчётное количество лет назад. Тогда он был ещё восторженным шестнадцатилетним пацаном, наивно верящим в любовь, справедливость, добро и прочие вещи, которые нынче считал полным вздором. А также в то, что если уж не спасёт этот мир, так точно его удивит. И была Оля Карамзина – его первая любовь, и предпоследняя... И время тогда было славное. Первые вечеринки, первое сухое вино, первые поцелуи... Произошло это на восьмое марта.

Их класс собрался на квартире у кого-то (Инин уже не помнил точно у кого именно). На столе стояли, купленные вскладчину салатик и вино. За окном шёл мокрый снег наполовину с дождём, а мальчики дарили подарки девочкам. Виталик знал, чего хочет Оля. И пускай её желание выглядело экстравагантным, но что оно именно таково, Виталик не сомневался ни на йоту. Десятки раз он предугадывал то, что захочет Оля – ошибок не было. Бабушкино слово «волшебник» осталось в прошлом. Он (Виталик был в этом уверен) – менталист, он – экстрасенс. Он новый, ещё не признанный Вольф Мессинг, он – Ури Геллер. Сейчас он удивит Олю, сейчас он её восхитит, он сделает её счастливой, и произойдёт это у всех на глазах. Он ясно видел то, что Оля хочет получить в подарок. Он много раз перепроверил – мозг рисовал одно и то же. Оля мечтала о... белой крысе с чёрным пятнышком на голове.

Пришлось обежать не один зоомагазин прежде, чем удалось найти такую. Виталик посадил зверька в школьный рюкзак. Вот он таинственно и гордо, будто иллюзионист перед финалом грандиозного номера, смотрит на Олю, медленно расстёгивает молнию, и... крибле-крабле-бумс! Крыса прыгнула прямо на колени Оле.

Виталикина любовь сначала с истошным воплем подпрыгнула, а в следующую секунду её обильно вытошнило прямо в расставленные на столе салаты.

Поднялся хохот. Оля, вся в слезах, схватив пальтишко, вылетела из квартиры. Виталик бежал за ней сквозь снег и дождь. Умолял вернуться, умолял простить. Рыдая, она повторяла только одно: «Ты надо мной посмеялся. Я тебя ненавижу».

Подростки – жестокие существа. Ещё долго называли Олю за глаза «поблевушкой». «Крыса-Карамзиха» – прицепилось обидное прозвище. Сей инцидент вспоминался на вечеринках класса почти постоянно. Между Виталиком и Олей было всё кончено. И самое обидное, она стала встречаться не то, чтобы с врагом, но с персоной весьма для Виталика неприятной – с завистливым и вилявым Максом Новицким.

Но последней не каплей – камнем, забившем гвоздь в гроб веры в суперспособности, стала для Виталика смерть отца. Он имел глупость поделиться с бабушкой своим сном. Когда же произошло то, что он видел во сне, убитая горем бабушка кричала ему: «Это из-за тебя! Это ты накликал, ведьмак проклятый! Это ведь ты отца убил! Это ты!» Придя в себя, она каялась, молила простить за слова, брошенные в безумии. Но Виталик на бабушку не обиделся. Просто с тех пор он больше не верил в чудо. Это лучше, чем считать себя злым колдуном. Нет ничего сверхъестественного и паранормального, не существует суперспособностей. Всё это – вредный бред, мистификация и самообман. Возможны лишь случайные совпадения. Всему есть рациональное объяснение.

– Нет, послушай, – возразил Светлаков. – Ведь исследования проводились. Например, эксперименты с картами Зеннера. Или знаменитый эксперимент с Кулагиной, когда она дистанционно воздействовала на сердце лягушки. Да много ещё чего.

– Эксперименты с картами Зеннера не отвечают требованиям научной достоверности и невоспроизводимы, интерпретация их данных ошибочна, – возразил в свою очередь Инин языком Википедии. – А твоя Кулагина – известная аферистка.

– Тогда я вот чего тебе расскажу. Иду я как-то по отделению и вижу, как больной наш – шизофреник хронический, расчёской куда-то в окно целится. Я у него спрашиваю, что мол делаешь? А он мне говорит, не мешай, доктор, я космический корабль злых пришельцев сби-

ваю. Я ему – ты бы расчесался лучше, чем космические корабли сбивать. Надо сказать, что при запущенной стадии шизофрении наши больные за собой не следят и редко используют расчёску по назначению. Он от меня отмахнулся, и сделал выстрел из своего «бластера» – пых! Сбил, говорит. А потом вдруг посмотрел на меня вот так, пристально (Светлаков показал как) и сказал: «Доктор, слушай, а ведь у тебя спина болит». Это было в точку: меня и правда радикулит прихватил, поясница разламывалась. Дай, говорит, я тебя вылечу. Ну, думаю, пусть попробует – хуже-то не будет. Тогда он мне своей расчёской вдоль позвоночника провёл, всего раз провёл, и боли как не бывало. В один миг боль прошла! И как ты это объяснишь?

– Да просто! То, что у тебя спина болит, он понял по твоим скованным движениям. А то, что боль у тебя прошла – так это самовнушение. Мне ли тебе, психиатру, это объяснять?

– Вот ты чертила упёртый! – Светлаков начинал заводиться. – Ты даже допустить не хочешь никакого другого объяснения, кроме...

– Не хочу, – перебил его Инин. – А зачем мне допускать бредовые объяснения?

– Хорошо, а Вольф Мессинг? Он же реально читал мысли людей. Если бы это было не так, не был бы он столь знаменит.

– Вольф Мессинг, Юрочка, – Инин ухмыльнулся, – во время своих выступлений брал людей за руку. По микродвижениям их руки он и находил спрятанные предметы. Короче, как говорится, ловкость рук и никакого мошенничества.

– Но ведь если бы это было так просто, почему никто другой не может повторить его трюков? А? – Светлаков почти кричал.

– Нет никаких доказательств, что он обладал телепатией.

– Но также нет доказательств, что не обладал! – Светлаков стукнул ладонью по столу. – А объяснение про микродвижения придумали такие же упыри, как ты, которые жуть как боятся того, что не укладывается в их рациональный умишко.

– Лучше рациональный, как ты выразился, умишко, чем антинаучное безумие. Ау, средневековье!

– Так ты же сам говорил в школе, что видишь вещие сны! И рисовал ещё их. Не помнишь?

– Не помню, – соврал Инин.

– Звездишь ты всё. Не можешь принять, что не всё под твоим контролем, всемогущий ты наш. Что есть вещи, не подвластные твоему разуму, перед которыми ты просто пылинка, ноль без палочки. Вот и включаешь тупо защиты, нарцисс ты хренов.

– А ты ведь достал меня, Светлаков! – К своему неудовольствию, Инин почувствовал, что последние слова друга его, пусть слегка, но задели. – Вот что, если я скажу тебе, что мне на днях сон приснился. Типа вещей. Так сбудется или нет?

– А вдруг?

– А я думаю, ни хрена.

– А проверь.

Тут, как гром среди ясного неба в заведении грянула музыка. Инин сморщился.

– Твою ж мать! – Он жестом подозвал официантку. – Девушка, счёт.

– Твоя непереносимость музыки – это невроз! – Вспыхнул Светлаков. – Тебе лечиться надо, серьёзно. И какого чёрта я должен сейчас уходить? Я ещё настойку не допил и пельмени не доел.

– Остынь, – Инин похлопал его по плечу. – Последуй примеру своих пельмешек: они-то уже остыли. А не то, – Инин показал на пустившихся под музыку в пляс двух дам, которым было презентовано шампанское, – я ту бабу всё-таки на тебя натравлю, не отмажешься. Я же экстрасенс, да? – Он подмигнул. – Я смогу. Или пошли отсюда.

– Вот манипулятор-то херов, – вспылчивый, но быстро отходчивый Светлаков уже улыбался. – Ладно. Предлагаю компромисс. Мы всё-таки допьём настойку, а взамен я покажу тебе хорошее место без музыки.

- И что же за место?
- Ресторан «Небо».
- Не слышал о таком.
- Недавно открылся.
- Что ж, идёт, – согласился Инин.
- Записывай адрес.

Покончив с настойкой, друзья вышли на вечерний морозец. На небе тускнели зимние звёзды, окна окрестных хрущёвок светились уютным домашним светом.

– Машину здесь на парковке оставляю, у бабульки заночую сегодня, она тут через три дома живёт, – сказал Инин.

- Да помню я, – ответил Светлаков. – Кстати, как она?
- Бабулька-то? Молодцом.

Она и правда держалась молодцом. Несмотря на то, что перешагнула в девятый десяток, на хвори особо не жаловалась, делала в день свои восемь тысяч шагов, осваивала соцсети. И булочки пекла всё такие же вкусные, как и в детстве, когда стояло вечное лето, и деревья были большими...

- А давай я тебя провожу, – предложил Светлаков, – заодно проветрюсь.

Они вошли во двор дома. Он мало изменился с тех пор. Те же приземистые сарайчики на той стороне, что напоминали Инину нахохлившихся воробьёв, те же аккуратненькие, сейчас укрытые снегом огородики под окнами, и даже мусорный бак на том же месте в правом углу. Только детская площадка сейчас другая – нарядная, современная. На ней, сгрудившись у скамейки, коротала вечер стайка подростков, звучала гитара. Какой-то паренёк умело подражал Цюю. Те же самые песни пели здесь другие ребята и четверть века назад.

- Неплохо поёт пацан, – оценил исполнение Светлаков.

Инин ничего не ответил.

- Виталь, а помнишь, как ты когда-то и пел, и играл?

Инин хранил молчание.

– Тебя ж от гитары невозможно оторвать было. И в музыкалку ты ходил. Вот других детей хрен заставишь за инструментом сидеть, а тебя наоборот на улицу нельзя было вытащить. У тебя ведь талант музыкальный!

Лицо Инина стало каменным. Но Светлаков продолжал.

– А теперь ты музыку на дух не переносишь, бежишь от неё, как от чумы. Да что случилось с тобой такое? Когда?

– Юра, слушай, – Инин подошёл к Светлакову почти вплотную, брови его сдвинулись, глаза сузились, казалось, что ещё мгновение и он боднёт друга лбом в лицо. – Слушай и запоминай. Никогда, никогда не говори мне об этом. Я не музыкант, никогда им не был, и никогда не буду. Ты всё понял?

Светлаков отступил на шаг.

- Значит, ты не волшебник, не экстрасенс, и не музыкант, да?

– Закрыли тему.

– Хорошо. Закроем. Только я предлагаю пари. Вот ты сказал, что тебе сон вещий приснился. Давай так. Если он сбудется, то ты сыграешь для меня на гитаре, а если нет, то я никогда больше не подниму тему про музыку.

- Да чёрт с тобой, – согласился Инин, – пари так пари, только отстань от меня.

Они ударили по рукам.

«Эх, Юрка, – подумалось Инину, – тебе в любом случае не выиграть, не услышать моей гитары. Ведь если сон сбудется, мой дорогой, тебя не будет на этом свете...» Он тут же прогнал эту мысль.

- Тебе такси вызвать, Юр?

- Да уж я сам как-нибудь.
- О'кей. Тогда в следующую пятницу в «Небе»?

4

– Какая ещё охота? Что ты плетёшь? – Инин устало глядел на Алевтину.
– Меня хотят убить. – Она произнесла эту фразу так буднично и спокойно, будто бы речь шла о походе в булочную. – И если бы не ты, я была бы не свидетелем, а потерпевшей.

Будучи в совершенной уверенности, что сумасбродная девчонка начала какую-то игру, смысл которой был пока для него абсолютно неясен, Инин не стал задавать ожидаемых «кто?» и «почему?»; вместо это он сказал: «Странно, если он хотел тебя убить, отчего не сделал этого сразу, а отнял телефон? И потом, когда идут убивать, обычно имеют с собой оружие, а у этого типа оружия не было. Если бы оно было, то он бы его применил, когда дрался со мной. Так что, не крути мне мозги, Алевтина. Мне и так на сегодня приключений хватило».

– Он не отнимал телефон. Он напал на меня, схватил. А телефон я выронила, вырываясь. Почему он был без оружия? Видимо, тот, кто меня заказал, считает, чтобы справиться со мной, оружия не нужно. И потом, они наверняка за мной следили, и знали, что я на акциях в «Небе». А там, зачем оружие? Можно сбросить с двадцать пятого этажа – сойдёт за несчастный случай, и взятки гладки. Хотя тот, кто меня заказал ментов не боится, но подставляться лишний раз тоже не хочет.

– Допустим, – согласился Инин, – но почему, зная, что тебя хотят убить, ты просто не дёрнула со всех ног, а решила вернуть несчастный телефон?

– Так я сначала и не поняла, что он хочет убить, думала обычный грабитель. А вот когда он начал орать это своё «иеасэ рцонха», тут до меня и дошло.

– И что означает это «иеасэ рцонха»?

– «Да исполнится» на иврите.

– Слушай, – Инин откинулся на спинку стула, – у тебя на всё готовые ответы есть. И это, – он наклонился к Алевтине, – согласишься, тоже странно. И хладнокровие твоё, честно признаться, меня настораживает. Двадцатидвухлетнюю девчонку хотят убить, а она спокойна, как Штирлиц. Кстати, ты знаешь, кто такой Штирлиц?

– Я знаю, кто такой Штирлиц, – ничуть не смутившись, ответила Алевтина. – И, во-первых, с возрастом ты ошибся: мне не двадцать один, а тридцать. А, во-вторых, то что за мной будут охотиться, я ждала, и потому, знаешь, было время подготовиться и продумать возможные варианты.

– Если ты ждала, что за тобой будут охотиться, почему не сбежала отсюда, почему не уехала?

– Некуда.

– А зачем про возраст мне заливаешь?

Она молча достала из сумочки водительское удостоверение и положила его перед Ининым.

Алевтина Берестова. Год рождения...

Девчонка (как выяснилось, не такая уж девчонка) не врала.

Он изучающе посмотрел на её руки, на кожу рук, на кожу лица. Кожа совсем юной девочки. Кожа тоже не может врать. «Да, недаром говорят, что ведьмы стареют медленно», – подумалось Инину.

– Помнишь, что спросил в «Криминальном чтиве» Бутч у Марселласа, после того как последнего отымели в задницу, а Бутч его спас? – Инин улыбнулся горькой улыбкой Печорина.

– Он спросил: «Как мы теперь с тобой будем?»

– Во-во. И как?

– Я думаю, тебе надо держаться от меня подальше. Уйти. Забыть. Я теперь представляю опасность для любого, кто рядом со мной. Ты и так сделал для меня слишком много, хоть и не хотел. Ты просто оказался не в то время не в том месте. Вот только, – она помедлила, – я почти уверена, что в ресторане был ещё кто-то из них, наблюдал. Не факт, что они будут тебе мстить за то, что помешал, но исключить на сто процентов этого не могу. Поэтому, не нужно тебе вязнуть ещё больше в моём дерьме. Исчезни. И чем скорей, тем лучше.

– Исчезни, говоришь? – Инин почесал макушку. – Видишь ли, милая моя, уже поздно. Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. И этот шаг я сделал. Теперь придётся идти.

– Куда?

– В ментовку.

– Исключено. Во-первых, если мы туда пойдём, подставим тебя. Но это меньшее из зол. Во-вторых, кто меня заказал ментов не боится – менты боятся его. А в-третьих, ты веришь ментам?

Полиции Инин не верил. Однажды в его филиал нагрянула налоговая проверка. Нарушения, конечно, были, но на статью не тянули. Однако уголовное дело всё-таки завели. Как лицо материально ответственное, Инин первым попадал под удар. Именно тогда он и выучил УК наизусть. Проблему решила солидных размеров взятка.

Полиции Инин не верил, но не верил и своей новой, свалившейся ему на голову знакомой. Слишком фантастичными казались её заявления о таинственном и всесильном заказчике, которого «боятся менты». Слишком подозрительным выглядело её раскладывание по полочкам: «во-первых, во-вторых, в-третьих...» Кто она? Аферистка, решившая воспользоваться ситуацией? Патологическая фантазёрка, у которой началось обострение под влиянием произошедшего стресса? Или вправду ведьма, на которую охотится некая загадочная новая инквизиция. Последней своей мысли Инин внутренне усмехнулся.

Любой другой человек на его месте, вероятно, был бы весьма заинтригован услышанным и принялся выяснять, кто этот всесильный монстр и зачем ему понадобилось непременно убить Алевтину. Любой другой, но не Инин. В подобной ситуации лучше быть параноиком, а не лохом. Лучше полагать, что наша ведьмочка всё-таки аферистка. Она только и ждёт вопросов о заказчике и причинах охоты. А раз так, нужно сломать ей игру. Действовать неожиданно, нестандартно.

– Ну, если твой заказчик не боится ментов, значит, надо бежать, так?

Алевтина что-то хотела ответить, но Инин не дал. Продолжил.

– Вот ты говоришь, что уехать тебе некуда. Но когда речь идёт о жизни и смерти, уедешь куда угодно, хоть в пустыню Сахара, хоть в Антарктиду.

– Во-первых, у меня нет денег, чтобы куда-то уехать.

– Да хоть в соседний городишко. Снять там комнатку. Устроиться на работу, да той же уборщицей. Не такая большая цена, чтобы сохранить себе жизнь.

– Во-вторых, у меня пожилая и больная мама. Я не могу её бросить.

– Но ведь если тебя убьют, твоя мама так и так останется без дочери.

– Ты не знаешь насколько это страшные люди. Они возьмут маму в заложницы, и если я не вернусь, просто убьют её.

– Так возьми маму с собой. Делов-то!

– Они найдут.

– Ну а если куда подальше уехать, за границу. В Грузию, скажем, или в Казахстан?

– И там найдут.

– А если ещё дальше уехать. В Турцию, например, или в Дубай?

При слове «Дубай» глаза Алевтины сверкнули. Инин заметил это.

– У меня нет таких денег. Я же уже сказала.

– Возьми кредит.

– У меня такая кредитная история, что не один банк на порог не пустит.

– Ну, а если бы, – Инин выдержал паузу, – я бы тебе одолжил?

«Сейчас ты у меня поймаешься!» – мысленно восторжествовал он, предвкушая разоблачение.

– Исключено. Денег я у тебя не возьму.

– Почему?

– Во-первых, потому, что это поставит тебя под удар. В этом случае ты стопроцентно тоже станешь объектом охоты. Они в курсе, что денег мне взять больше не у кого. А, во-вторых, не возьму потому, что... я не возьму.

Не сработало.

Инин остановил свою руку, что непроизвольно потянулась, чтобы потереть лоб.

– Какие же у нас могущественные преследователи! – он сделал большие глаза. – Они могут найти скрывающихся лучше, чем наша доблестная полиция. А жестокие какие! Старишку не пожалеют. В заложники возьмут и замочат.

– Я знаю, что ты мне не веришь, – лицо Алевтины продолжало оставаться спокойным. – Да я бы, и сама не поверила.

– И что бы ты подумала на моём месте?

– Что меня хотят развести.

– Умная девушка. Сама всё понимаешь.

– Да. Всё это звучит, как бред, – в её голосе Инин услышал едва заметный надрыв, – в это нельзя поверить. Но я говорю тебе правду.

– Знаешь что, Алевтина, – он налил из графинчика в рюмку оставшуюся водку, – а ты ведь права. Самое лучшее, что я могу сделать – это исчезнуть. Вот прямо сейчас встать и уйти. Похоже, моя дорога оказалась короче, чем в тысячу ли. Правда, если ты меня сдашь, то она ещё может продолжиться... в местах не столь отдалённых. Но, знаешь, – он опрокинул в рот стопку, – мне наплевать. Посадят – отсижу.

Он резко поднялся. Она схватила его за руку.

– Постой! Ты в опасности.

Глаза широко раскрыты. На лице испуг. Куда девалось её рассудительное спокойствие?

– Оставь. – Он высвободил свою руку решительно, но не грубо.

– Виталий, останься. Нельзя сейчас уходить. Я чувствую такие вещи. Я просто их чувствую.

– Да нет уж, я лучше пойду. Не могу сказать, что рад был с тобой познакомиться, хоть девушка ты и умная, и красивая, – он подмигнул, – но, однако, прощай!

Бросив на стол несколько купюр, он пошёл к выходу, не оглядываясь. Морозный ветер ударил в лицо. Будто бы не хотел выпускать на улицу, будто бы заставлял вернуться, будто был бы заодно с «ведьмой». Инин поправил шарф, поднял воротник пальто и резво зашагал по скользкому тротуару. Он пройдёт пару кварталов, продышится, вызовет такси, и домой, в свою крепость. И спать, спать, спать. А дальше пусть будет, как будет.

Он размышлял. Чёртова девка! И что же ей было нужно? Если хотела срубить денег, почему не стала шантажировать, что заявит о происшествии? Почему отказалась от помощи? Зачем ей понадобилось сочинять весь этот фантастический бред об охоте и ужасном заказчике? Вот Светлаков говорит, что я экстрасенс, что мысли женщин читать умею. Дурак он. Не умею я ни черта. Ни черта я эту ведьму не понял, ничегошеньки не прочитал.

«Виталий!!!» – его размышления прервал пронзительный крик.

Он рывком обернулся. Прямо на него, вылетев с проезжей части на тротуар, несся автомобиль. Молниеносно бросив тело к стене, в последнюю долю секунды Инин ушёл от удара. Промчавшись в нескольких сантиметрах от его плоти, автомобиль, с грохотом снеся урну, вернулся на дорогу и стремительно скрылся из вида. Сила удара была такой, что тяжёлая урна,

рассыпая веером мусор, летела вдоль тротуара метров десять-пятнадцать, и от прямого попадания её, бредущую в ночи парочку спасло только чудо. Инин успел заметить, что задний номер сумасшедшей машины был залит грязью.

Подбежавшая Алевтина схватила его за локоть.

– Я же говорила, не надо идти! Не надо! – кричала она.

Инин стоял, прижавшись спиной к стене. Сердце отбивало галоп.

– Да ты точно ведьма, – выдохнул он.

Глава 2

5

– Думаешь, это вот не случайно? – Инин мотнул головой в сторону лежащей на тротуаре урны. – Думаешь, это не просто пьяный водитель?

– Я не знаю, – замотала головой Алевтина, – но думаю, нет.

– Что, нет?

– Думаю, не случайно.

– Как ты узнала, что что-то может случиться? Откуда?

– Я же говорила, что иногда это чувствую.

– Как ты чувствуешь?

– Иногда вижу картинки, иногда... иногда, – она затруднялась.

– Просто догадываешься? – подсказал Инин.

– Да.

– Чего же тогда сегодня в «Небо» попёрлась, если ты, блин, ясновидящая?

– Я же не всегда это чувствую! Это то включается, то нет.

– Ну да. Все вы так говорите.

– Кто все?

– Ванги доморощенные. Ладно. Проехали. Если допустить, что этот придурок действительно хотел меня сбить, то откуда он узнал, где я, а главное, зачем ему это?

– Я же говорила, что в ресторане был кто-то ещё. Он проследил за нами. А убрать тебя могли захотеть потому, что помешал. Решили: помешал раз, помешаешь и другой. Они могли думать, что я тебе всё рассказала о них. Зачем им лишний свидетель? И потом, ты убил одного из них. Разве странно, что тебе хотят отомстить?

– Да, всё логично, – Инин зажгёт сигарету. – Но, знаешь, эта история полный бред. Безумие. Так только в киношках бывает. Кто в здравом уме будет устраивать такой триллер? Я давно вышел из возраста, в котором верят в возможность того, что ты мне несёшь.

– Ты просто не понимаешь, с кем ты столкнулся. Это... это не обычные люди.

– Не обычные? Психи что ли? – Инин усмехнулся. – Я имею дело с бандой чокнутых отморозков?

– Психи? – Алевтина задумалась. – Может, и так. Но то, что они не от мира сего – это точно. Они по другим законам живут, понимаешь?

– Так. Едем. – Он щелчком выбросил едва закуренную сигарету, достал телефон, чтобы вызвать такси.

– Куда? – удивилась Алевтина.

– Ну, к тебе, я так понимаю, нельзя. Ведь могущественные психи уже наверняка устроили там засаду на важную персону госпожу Берестову. Я правильно твою фамилию назвал?

Она кивнула.

– Ко мне тоже нельзя. Потому что нельзя. Остаётся только в гостиницу. Там мне всё и расскажешь.

Отель, куда Инин привёз Алевтину оказался шикарным.

– Это пять звёзд, да? – она ошарашенно оглядывала богато убранный холл.

– Пять, – бросил Инин, направляясь широким шагом к ресепшн.

– Галя, приветствую!

Миловидная девица-администратор широко улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте, Виталий Григорьевич! Давненько к нам не заходили.

– Всё недосуг, Галенька. Мне двухместный. Можно клубный, можно стандарт.

- Как обычно? – администратор осеклась, увидев, что к Инину подошла девушка.
- Нет, на этот раз с двумя односпальными, – не моргнув глазом, ответил Инин. Галины брови приподнялись, выдав её удивление.
- С двумя односпальным сейчас нет. Есть с одной двухспальной.
- Даже для меня? – Инин состроил такое сладко-обиженное личико, от которого любое женское сердце не могло не растаять.
- Ну, правда, нет, – с извинением в голосе ответила Галя. – Завтра в пятнадцать ноль-ноль освободится.
- Слышала? – он посмотрел на свою спутницу. – Только с двухспальной кроватью есть. Да не бойся, она широкая.
- А я и не боюсь, – ответила Алевтина своим низким глубокими голосом.
- Оформляй, Галя.
- Номер 1615, – администратор положила на стойку ключи.
- Шестнадцатый этаж. Что-что, а панорамой ты насладишься, – он подмигнул Алевтине. Из огромного, во всю стену, окна номера открывался сногшибательный вид на ночной заснеженный город.
- Это люкс, наверное? – спросила Алевтина, оглядывая апартамент.
- Обычный стандарт, – махнул рукой Инин.
- Наверное, кучу денег стоит?
- Он снова махнул рукой.
- Тут мини бар есть. Минералка там, соки, кола.
- Алевтина отказалась, покачав головой.
- Инин уселся в кресло у круглого стеклянного столика, жестом пригласил Алевтину сесть на соседнее.
- А теперь рассказывай. Всё по порядку.
- Ну... – Алевтина накручивала на пальчик локон, – это три месяца назад случилось. Я тогда во второй городской больнице работала, в реанимации.
- Ты врач что ли? – удивился Инин.
- Медсестра.
- А что в сигаретной компании делаешь? Подработка?
- Нет. Медсестрой я уже не работаю. Слушай. В моё дежурство привезли ночью больного, вернее, пострадавшего. Молодой парень, ДТП, тяжёлая сочетанная травма: ушиб головного мозга, разрывы внутренних органов, перелом костей таза, большая кровопотеря... Оперировали всю ночь, по кускам собирали. За время операции две остановки сердца. Словом, с того света вытащили, – Алевтина вздохнула. – Но, как выяснилось, ненадолго. Через четыре дня скончался в реанимации, не приходя в сознание. И, как на беду, снова в моё дежурство. Реаниматологом на смену Валера тогда заступил – доктор наш. Причина смерти – бульбарные нарушения. Короче, не было у парня шансов – ничего мы не могли сделать.
- Бульбарные нарушения?
- Ну это, когда жизненно важные центры мозга отказывают, – пояснила Алевтина. – А через пару дней врывается к нам в отделение мужчина – грубый такой, неприятный, да не один, а с двумя амбалами. Весь красный от злости, слюной брызжет. Схватил он Валеру за грудки и орёт: «Ты моего сына убил, сатана! Мой единственный сын, подарок небес... Не жить тебе тоже на свете, запомни. Иеасэ рцонха!» Именно тогда я впервые услышала эти слова. А потом на меня уставился, да говорит: «И ты тоже здесь, ведьма? Это ты с ним на смене была, да, Берестова? У меня бейджик на халате с моей фамилией. Я знаю, я справки навёл. Ты – следующая после этого изверга – это он Валеру имел ввиду. Запомни!»
- Алевтина перевела дух.

– Мы не очень-то испугались тогда с Валерой. Не впервой такое. Бывает врываются родственники умерших в отделение, скандалят, винят, грозятся. Понятно, что люди в состоянии аффекта находятся, а мы, врачи, всегда виноваты. Но потом отходят, и всё устаканивается. Так всегда было. Но не на этот раз. Через две недели Валера умер. Экспертиза показала: передозировка наркотического препарата, предположительно промедола. Это известный факт, что врачи, имеющие доступ к наркотикам, а значит, в первую очередь анестезиологи-реаниматологи, порою на них и подсаживаются. Но Валера наркоманом никогда не был, он даже ни разу не пробовал. Я это знала точно. Однако, учитывая обстоятельства, по факту его смерти даже уголовное дело не завели.

– Не удивительно, – согласился Инин.

– Мне стало страшно, Виталик.

– С одной стороны, я тебя понимаю, – Инин открыл бутылку «Боржоми», – тут даже железное, как говорится, очко бы и то поджалось. Но, с другой стороны, организовывать заказное убийство для того, чтобы отомстить врачу? Это ж и денег стоит немалых, и риск большой. Маловероятно как-то. Не легче ли было просто в суд на врача подать, если уж очень отомстить хочется?

– Да я и сама так думала, успокаивала себя. Но к Вадиму всё-таки пошла.

– Кто такой Вадим?

– Мой знакомый следователь из управления. Не просто знакомый, – он мне в прямом смысле жизнью обязан. Пару лет назад его в больницу к нам привезли. С огнестрельным ранением брюшной полости. Опять-таки огромная кровопотеря. А у Вадима группа крови редчайшая – четвёртая, да ещё с отрицательным резус-фактором. Такой у нас в наличии не было. Но на счастье Вадима, у меня кровь такая же. Я донором ему стала.

– Следователь, говоришь?

– Ну да.

– Странно, странно, – Инин почесал подбородок. – Под пули обычно опера попадают. А следователь чего? Он в конторке себе сидит и текста печатает.

– Не всегда, значит, сидит и печатает, – огрызнулась Аля.

– Ладно. И что дальше с этим Вадимом?

– Рассказала я ему всю историю, фамилию парня погибшего назвала. Он справки навёл. И оттого, что я после от Вадима услышала, у меня волосы дыбом встали. Оказалось, что папаша погибшего парня – настоящий монстр, не человек, а дьявол какой-то...

В этот миг что-то стукнуло об окно. Бум! Глухой короткий удар.

Оба вздрогнули, обернулись к окну. За окном была пустота. Только мёрзлая январская ночь, только блёклый закоченевший месяц на небе, да уснувший город, там, далеко внизу.

– Что это было? – испуганно спросила Аля, инстинктивно схватив Инина за руку.

– Не знаю. Ворона, наверное.

– Вороны в такое время спят.

– Ну, может, спугнул кто, – предположил Инин. – Или это какая-то сумасшедшая ворона, неправильная, – он улыбнулся.

– А если это знак? – и без того большущие глаза Али, стали просто громадными. – Как там у Кастанеды? Мир соглашается. Или предупреждает.

– Ты мне, Алевтина, про Кастанеду и прочую эзотерику, брось, – Инин покачал головой. – Не приветствую. Давай про папашу-монстра продолжим. Чем же он так страшен?

– Вадим сказал, что мало чего о нём знает. Информация, мол, закрытая, потому что слишком много больших людей, в том числе и из их ведомства, очень не хотят ей делиться. Он сказал, что этот человек – гений. Ему не назвали ни настоящей фамилии, ни имени этого человека – только кличку его – Архивариус.

– Постой. Нестыковка, – оборвал её Инин. – Ты сначала сказала, что отца по фамилии сына определили. А теперь говоришь, что следователю ни имени, ни фамилии его не известно. Как же так?

– Не знаю. Вадим мне подробностей не докладывал. Может, сын фамилию поменял.

– Всё равно непонятно.

– За что купила, за то продаю, – слегка рассердилась Аля.

– Ладно, проехали. Так почему, Архивариус?

– Почему Архивариус? Потому что у него есть архив. А в архиве том – компромат. Компромат очень жёсткий, убийный. На больших начальников из полиции, из местного ФСБ, на крупных чиновников, вплоть до министров, на всех тех, у кого рыльце в пушку. Ну а так как таких очень много, то сам понимаешь. Короче, весь город, вся область у Архивариуса под колпаком. И архив его пополняется постоянно. Как он это делает неизвестно. И в этом его гениальность.

– Нет, ну послушай, – Инин защёлкал пальцами, – опять неувязка. Генералы полиции, ФСБ... Неужели вся эта силища не может твоего Архивариуса обезвредить, да хотя бы физически устранить? Странно это, неправдоподобно.

– У Архивариуса, Виталик, есть доверенные лица, – где-то далеко, по заграницам сидят, так что их чёрта с два отыщешь. Архивариус всех представителей силищи поставил в известность: если с ним что-то случится, то весь компромат его доверенные тут же отправят туда, куда следует. Теперь ты понял, почему он ментов не боится?

– Слушаю тебя и ушам не верю. Прямо детектив какой-то! – на лице Инина играла сардоническая улыбка.

– Можешь продолжать не верить. Не буду ничего рассказывать, если ты на до мной смеёшься, – обиделась Алевтина.

– Да не дуйся ты. Но согласишься, всё это слишком невероятно. К тому же, если твой Архивариус такой зловеще-влиятельный, что мешало ему написать заявление, надавить на следствие и на суд? Вам с твоим доктором пришили бы умышленное убийство и посадили бы всерьёз и надолго. Хотя... – усомнился самому себе Инин, – возможно, ему мало было, чтобы вы просто срок отмотали.

– Конечно! Вот что ещё мне Вадим рассказал. Архивариус – не только гений. Он сумасшедший. Фанатик чокнутый. Каббалист.

– Уф! – фыркнул Инин. – Вот носятся с этой каббалой, считают её чуть ли чёрной магией. А на самом деле – это всего лишь изучение Торы, с целью понять своё божественное предназначение. Занятие весьма безобидное; правда, на мой взгляд, совершенно бессмысленное.

– Да знаю я всё про каббалу.

– Так уж и всё? – Инин хохотнул.

– Я весь интернет перелопатила. И вот чего. С этой каббалой страшная путаница, начиная со средних веков. Столько ложных толкований было, столько подделок! А что говорить про наше время, когда это знание стало продаваться за деньги? Многие так считают: владеешь тайным учением – владеешь могуществом. Сейчас развелось столько братств всяких, столько сект... Есть и такие, в которых эти фанатики верят, что всё сверху: делай, что хочешь, а в ответе лишь бог. Если хочешь кого-то убить – убивай, ибо это план бога, а ты просто его исполнитель. Значит, предназначение у тебя – убивать. Бог знает, что делает: он твоими руками исправляет грёбанный мир. Вот и Архивариус, я думаю, верит, что делает этот мир лучше. А что, он не прав разве? Он ведь взяточников, оборотней всяких в погонах, чиновников охреневших и прочую нечисть высокопоставленную кошмарит. Это ли не богоугодное дело? Теперь гляди: мы с Валерой, по его убеждению, совершили халатность преступную, в результате которой его сын умер. А как там в Ветхом завете? Око за око, зуб за зуб. Так ведь? Вот он и считает своим

долгом это исполнить. А заодно очистить мир от скверны, то есть от нас. И, возможно, от тех, – она пристально поглядела на Инина, – кто может ему помешать в этом.

– Я притчу одну читал, – Инин отпил из стакана воды. – Три студента начали изучать каббалу. Один из них стал святым мудрецом, второй ничего не понял, а третий сошёл с ума. Похоже, твой Архивариус и есть этот третий?

– Я тоже так думаю. Только с ума сошёл не один он. Вадим сказал, что, скорее всего, сподручные Архивариуса такие же, как и он, сектанты; что братство у них, что живут они по своим законам. А ещё Вадим посоветовал мне поменять работу, место жительство, и вообще лучше уехать из города. Правда, он добавил, что если Архивариус очень захочет, то везде найти сможет со своими-то связями.

– Да, жёстко ты попала. – сказал Инин с такой интонацией, что непонятно было, в серьёз он это или иронизирует.

– Я ушла с работы. Не просто с работы, вообще из медицины. Устроилась в табачную компанию. Сняла квартиру в другом районе. Ты не представляешь, чего стоило мне убедить маму переехать туда! Пришлось придумать целый спектакль про якобы ремонт в нашей квартире. Прошёл месяц, второй. И ничего не происходило. Я уже начала успокаиваться, дышать свободней. Думала, остыл Архивариус, или удовлетворился одним Валерой. И тут... Дальше ты сам знаешь. Когда этот тип заорал «иеасэ рцонха» мне всё стало ясно.

– Откуда ты иврит знаешь?

– Учила.

– А зачем он тебе понадобился?

– Учиться люблю.

– Ясно. – Инин зевнул. – Так, Алевтина. Давай-ка спать. Я просто вырубаюсь уже. Столько всего случилось сегодня... Это твоя сторона кровати, – он показал рукой. – А это моя. Извини, в душ не пойду: сил нет. И только верхнюю одежду сниму. Мои кальсоны тебя не смутят?

– Не смутят. Мои колготки тебя тоже, надеюсь?

Инин погасил свет. Оба залезли под одеяло.

– Как ты думаешь, за нами не проследили? – полушёпотом спросила Аля.

– Да хорош тебе. Отключи паранойю, – лениво ответил он.

Вымотанный безумством сегодняшнего дня, уморенный принятым алкоголем мозг, стремительно и сладко погружался в нирвану сна, блаженное забытие, покой, что превыше любого счастья...

Нирвану разметал в ключья стук.

Оглушительный.

Бух! Бух! Бух!

Кто-то со всей дури колотил в дверь их номера.

Инин подскочил на постели. Сел.

– Что за чёрт!

– Это они! Они! – сдавленно выкрикнула, сжавшаяся от ужаса в комок Алевтина.

Спрыгнув с кровати, Инин принялся рыскать по комнате в поисках чего-нибудь увесистого.

– Не включай свет! Не включай! – Алевтина буквально взмолилась.

– Ещё чего! – он щёлкнул выключателем.

Аля спрятала в ладонки лицо. В дверь продолжали бить. Методично и остервенело.

– Сучье вымя! Почему здесь ничего нет? – Инин продолжал метаться по номеру в поисках орудия для обороны.

Он распахнул дверцу шкафа.

– Вот! Хоть что-то. – В его руке оказался утюг.

В тот же миг, будто повинувшись тайной команде, стук прекратился.

Крадучись, сжимая в руке утюг, Инин подобрался к двери.

– Не открывай, умоляю! Не открывай! – пискнула, замершая на кровати Аля.

Инин распахнул дверь. За дверью никого не было.

Он облегчённо вздохнул.

– Видишь? Нет никого. Чего панику было разводить? Просто алкаш какой-то дверью ошибся. Случайность.

– Случайность? – её огромные, широко распахнутые глаза смотрели на него не мигая, словно гипнотизируя, а голос снова стал низким, почти утробным. – Случайностей не бывает. Не бывает следствия без причины.

6

– Не бывает следствия без причины, в этом вы совершенно правы, Арина Викторовна, – он посмотрел на молоденькую педагога взглядом поверх очков, будто бы пытаясь увидеть в ней то, чего раньше не замечал. – И если изменения в поведении Митрофановой столь заметны, как вы на это указываете, то мы не должны ограничиваться общими фразами, типа «у девочки переходный возраст». Мы должны глубже разобраться в вопросе. Что может быть причиной её, как вы выразились, внезапно появившейся замкнутости? Может быть, она подвергается, как это модно стало сейчас говорить, буллингу со стороны сверстников?

– Но Люба всегда была лидером, и у неё отличные отношения со сверстниками, – несмело возразила Арина Викторовна.

– Вы говорите «была». Но может быть, сейчас что-то изменилось у них в иерархии? Может быть, появился некий другой лидер и начал придавливать нашу Любу?

Арина пожала плечами.

– Или может быть, влюбилась она в паренька какого-то, а он ей взаимностью не отвечает?

– Я спрашивала у неё об этом. Она отрицает.

– Ну, – Григорий Иванович по-доброму усмехнулся, – если подросток отрицает чего-либо, то это совершенно не означает, что так оно и есть. Вам ли этого не знать!

В ответ педагог снова пожала плечами.

– А у вас свои версии есть, Арина Викторовна?

– Уверенных версий нет, – она опустила голову.

– А неуверенные есть? – не отступил директор.

– Ну... – Арина замялась, – я думаю, что это как-то может быть связано с её половым созреванием.

– Как именно?

– Ну, у девочки оформилась фигура, выросла грудь... Возможно, она стыдится своих изменений.

– Браво, Арина Викторовна! Видите, ларчик просто открывался. Признаться, я тоже в первую очередь об этом же подумал. Вот и проведите с Любой беседу на эту тему. Вы знаете, как. Вы обучены. Но всё же хочу дать вам совет. – Григорий Иванович снял очки и положил их на директорский стол. – Видите ли, теория и практика – вещи разные. В институте нас одному учат, а в жизни совсем по-другому. Вот вы ещё молода. И у вас, насколько я знаю, своих детей пока нет. Тем более, детей подросткового возраста. Поэтому, как более старший коллега и отец, сын которого благополучно миновал подростковый возраст, я хочу вот что сказать: лучше вы Любе ничего не говорите. Просто отпустите ситуацию. Объясню почему. Видите ли, подросток только напрягается, когда с ним говоришь на такие темы. И мы получаем обратный эффект. То, что ему нужно – всего лишь время. Да! Ему нужно время для того, чтобы привыкнуть к тем изменениям, что произошли с его телом. Это естественный процесс, и чем меньше мы

в него вмешиваемся, тем быстрее и безболезненнее он протекает. Ещё вопросы есть ко мне, Арина Викторовна?

– Нет. Спасибо, Григорий Иванович.

Она вышла из кабинета, осторожно прикрыв за собою дверь.

Брови директора сдвинулись. Он схватил резинового чертёнка, помял его в пальцах, отбросил на край стола. Встал, принявшись мерять шагами комнату. От окна до двери, от двери до окна. Десять шагов. Он давным-давно посчитал, сколько их. Проклятая девчонка! Суёт нос туда, куда совать его совершенно не требуется. Нет, она не выслуживается. Она не из таких. Она из серии наивных соплячек, которым типа не всё равно, которые за общечеловеческие ценности, как они их понимают; которые за справедливость, за добро. Да что ты знаешь о справедливости и добре? Добро – вещь относительная: что для русского добро – для немца смерть. А справедливости нет, не было и не будет. Сама природа несправедлива. Ты без году неделя в этой богадельне, и потому ещё вся такая равнодушная, чуткая, вдохновенная. Дура мелкая! Если бы ты проработала здесь лет с пяток-десяток ты бы стала такой же заматеревшей сукой, как Лизавета Петровна. Потому что, как там в песне поётся? «А в этом месте подружному не прожить». Ты же свалишь отсюда через годик-другой максимум. Небось в частную школу какую-нибудь подашься с нехилым окладом, а нам здесь с Лизаветой Петровной продолжать говно лаптем хлебать с этими недоделанными. Вот и всё твоё добро, вот и вся справедливость. Таких, как ты, дур рублём не заманишь – ни коротким, ни длинным. Но ничего, найдём способ избавиться от тебя, пронырливая ты сучка! Не впервой. Чужим здесь не место, Арина Викторовна.

В его кармане зазвонил мобильный. Последняя модель. Роскошный Nokia 7270. Он никогда не щеголял им, даже не пользовался на глазах у посторонних: зачем нужны вопросы, откуда у директора детдома телефон за пятьсот долларов?

– Привет, Иваныч! – проскрипел хрипчатый голос.

– Здравствуй, Борис.

– Ну чё, товар созрел?

– Кхм... Что значит, созрел? – он почувствовал, как в груди надувается пузырь гнева. – Борис, у нас был договор – товар в июле. В июле у нас выпуск. Ты забыл?

– Да так-то, оно так, но рынок ведь не ждёт, сам понимаешь. Ситуэвина меняется. Так, может, подсуетишься?

«Тупой бандит! – пузырь гнева раздулся, запульсировал. – Спокойно, Гриша. Держи себя в руках».

– А если не подсучусь?

– Ну дык, других поставщиков найдём, а ты на мель сядешь, Иваныч.

– Ты мне грозишь что ли?

– Дык нет. Забочусь. Ты ж жировать привык уж, а тут... Короче, поджаться придётся.

«Тупой безмозглый бандит! Быдло! Животное! – пузырь вскипел, разбух до предела. Сейчас будет взрыв. – Нельзя. Такие ублюдки, как Боря, понимают только одно – силу. Психология уголовника. Показать гнев, значит, показать слабость. Кто он такой? По сути – мелкая сошка, шестёрка. Он ничего не решает. Просто решил пошустрить, выслужиться перед Главным. Таких нужно ставить на место. Сразу. Жёстко, решительно, но спокойно».

– Слышь, заботливый, – голос директора зазвучал грозно, язвительно, – шустрилой заделался? Инициатива наказуема, в курсе? Мой товар качественный и эксклюзивный. Поставляется по договору, без косяков. Замены мне нету. Въехал, баран?

– Э... – собеседник директора явно опешил, – чё за наезд? Ты ботало держи. За такой базар рога посшибать могу.

– Рот закрой! Думаешь, я мышей не ловлю? Это тебе не Главный сказал позвонить. Это ты в обход Главного свою мутку замутить вздумал. Потому что Виктор Палыч, в отличие от

тебя, мудака тупорылого, прекрасно знает, что стабильного поставщика малолеток хер, где найдёшь. Это тебе не старых шалав из кабаков тягать, въехал? Потому Виктор Палыч мной дорожит. А таких, как ты обезьян отсидевших, пруд пруди. Мигом замену найдут. Мне звонить Главному?

– Это... Иваныч, ты того... погоди, – в тоне Бориса читался испуг. – Не мучу я муток в обход, зуб даю. Просто, ну... поторапливать поставщиков надо. Работа такая моя, сам понимаешь. Короче, Главному ты не звони. Замнём это дело, лады?

– Вот, значит, как! Ты у нас, оказывается, просто ударный труженик! – съехидничал директор детдома. – Запомни, Боря, заруби на своём длинном носу: знай своё место и в чужие сани не лезь. Дай работать спокойно. Сделай так, чтобы до середины июля, я тебя больше не видел, не слышал. Усёк?

– Понято. Иваныч, ты не серчай.

– Да нет проблем. Ничего личного, только бизнес.

– Ну, бывай.

– И тебе не хворать.

Хотелось свежего воздуха и курить. Он вышел из кабинета, спустился по лестнице и стал на крыльцо. Звенела капель. Солнышко бликовало на рыхлых сугробах. Пахло весной. Младшая группа копошилась на детской площадке. Он затаился. Никотин поплыл по телу расслабляющей уютной волной, от мозга и до груди. Как хорошо! Как мало нужно человеку для счастья! Солнышко весело светило прямо в глаза. Оно щекоталось. Он жмурился. Жизнь прекрасна! Но это ещё не весна. Это всего лишь февральская оттепель, короткая передышка. Ещё будет стужа и снежная хмарь, и будут трещать на морозе деревья, и дуть ледяной арктический ветер...

К нему на крыльцо поднялась воспитательница.

– Закуришь, Лизавета Петровна? – он протянул ей пачку.

– Не откажусь, – она вынула из неё сигарету.

– Чего нового в царстве-государстве-то нашем? – он чиркнул зажигалкой, давая ей прикурить.

– Да Толька Жовнов опять с этой девчонкой домашней якшается.

– Вот как? Не видел, – удивился директор.

– Так они теперь не перед вашими окнами это делают. Они там, – воспитательница показала рукой на зады здания, – место нашли, чтобы вы не увидели.

– Да, – улыбнулся Григорий Иванович, – дурень-то дурень, а чтобы директора объегорить ума хватило.

– Наказать?

– Не нужно, – он метко отправил окурочек в урну, – сам накажу. Пойду я, Лизавета Петровна.

Пройдя по коридору неспешным хозяйским шагом, он остановился у двери с табличкой «Заведующая отделением психолого-педагогической помощи Пригожина Аделаида Васильевна». Вошёл без стука.

– День добрый, Адочка!

– И вам, добрый, Григорий Иванович!

Зацепив ногой стул за ножку, он ловким движением подтолкнул его к столу заведующей отделением. Уселся на стул верхом, оперев локти на спинку.

Стол Аделаиды Васильевны являл собой образец гармонии и порядка. Папочки аккуратненько сложены в стопочки. Стопочки выровнены на столе, будто солдатские роты на строевом смотре. И в органайзере упорядоченность на загляденье: в одном отделении – ручки красные, в другом – зелёные, в третьем – синие, и карандашники отдельно, и фломастеры. Аккуратно

выложены ластик, степлер, кругляши скотча... На столе ни сориночки, ни пылинки. Над столом, на стене – портрет президента.

Хочешь узнать человека – посмотри на его рабочий стол. Верно подмечено. Вот и Аделаида Васильевна такая же аккуратная, точная, ровная и надёжная, как самолёты «Аэрофлота». И с понимаем у неё такой же порядок, что на столе: подобным ей людям растолковывать что-то не требуется, – достаточно лишь сделать очень прозрачный намёк. Да и как же Аделаиде Васильевне не понимать? Ведь и в отпуске с семьёй на заморских пляжах понежиться хочется, и дачу достраивать нужно, и, самое главное, дочка в Лондоне учится... не на гранте. Свой человек Аделаида Васильевна, по-настоящему свой.

– Ну и какие новости на сегодняшний день у нас, госпожа завуч?

– Всё спокойно. Работаем по распорядку.

– И никаких ЧП не ожидается. – Директор сказал это не с вопросительной интонацией, а с утвердительной.

– Всё под контролем, Григорий Иванович.

– Вот за что я вас люблю, Адочка, – он улыбнулся, – так это за то, что у вас всё всегда под контролем.

– Стараемся, – она едва заметно улыбнулась в ответ.

– А вот у меня, Аделаида Васильевна, похоже, не всё. – Он машинально вытащил из кармана чертёнка.

– Что случилось? – лицо завуча приобрело озабоченный вид.

– Что вы думаете об Арине Викторовне? – директор подбрасывал чертёнка в руке.

– В смысле, как о сотруднике?

– И как о сотруднике, и вообще.

– Хм. Девочка активная, увлечённая. Порой, даже очень. Это называется болезнь неопфита.

– В этом наши точки зрения полностью совпадают. Особенно по поводу того, что «даже очень».

– Ещё мне кажется, что она считает нас, более опытных педагогов... ну, как бы это сказать... инертными.

– О, вы смягчаете определения, Ада! Вы хотели сказать, что девчонка считает нас зако-стенелыми мастодонтами, потерявшими интерес к профессии педагога.

– Вы, как всегда, точны, Григорий Иванович, – кивнула головой завуч.

– Это неприятно, конечно, но бог бы с ней. Меня больше беспокоит другое. – Директор поймал чертёнка и сжал его в кулаке. – Чрезмерная, как вы правильно заметили, активность нового педагога, начинает мешать процессу. А говоря без экивоков, девчонка стала совать нос не в свои дела.

– Я тоже наблюдаю эти тенденции, – согласилась завуч.

– И какие именно?

– В частности, вчера она поинтересовалась, почему недопоставили два компьютера в компьютерный класс.

– Ох ты ж эти правдолюбы и правдоборцы сопливые! – директор подбросил чертёнка почти что до потолка. – Пороха не нюхали, жизни не знают.

– Это точно, – завуч закивала головой с гладко зачёсанными назад волосами. – У неё отец предприниматель небедный. Живёт девчонка на всём готовом. Для неё работа – развлечение, а не средство к существованию. Она на работу на личной машине ездит, на папочкины деньги купленной. Мы с вами в её годы в автобусах переполненных задыхались, а эта красавица в новенькой «Ладе» шикует! Могли мы такое себе позволить тогда?

– Да мы и сейчас не могли бы с зарплатой-то нашей, – добавил директор.

Завуч снова кивнула.

– И как вы думаете, Аделаида Васильевна, нужен ли нашему коллективу такой сотрудник?

– Хм... – завуч на мгновение замялась. – Вопрос риторический, Григорий Иванович.

– Ну поскольку вы со мной солидарны, в чём я не сомневался, даю вам, Адочка, негласное поручение. Продумайте, пожалуйста, план, по которому мы могли бы создать для уважаемой Арины Викторовны такие условия и обстоятельства, в результате коих она бы приняла разумное решение написать заявление об увольнении по собственному желанию, к её и нашему благу.

– Задача ясна, Григорий Иванович, – лицо завуча стало очень серьёзным. – Займусь.

– Вот и замечательно, – он поднялся со стула. – С вашего позволения, я пойду. Дел ещё сегодня невпроворот.

– Да вы ведь ещё ночные дежурства берёте! Хотя по должности не обязаны. – Завуч тоже встала со своего места, провожая директора. – Вот так мы с вами много лет детям себя отдаём, а выскочки вроде Арины в упор этого не замечают. Зато, когда двух компьютеров, видите ли, не хватает, так это сразу в глаза им кидается.

– Мир несправедлив, – развёл руками директор.

Он действительно брал ночные дежурства. И сегодня была его смена.

После ужина старшие дети, по обыкновению, собрались в комнате отдыха за телевизором. На экране шёл боевик. Взлохмаченный тип бежал по кромке высокой крыши от кого-то отстреливаясь. Толик Жовнов, отложив вязание со спицами, с открытым ртом наблюдал за действием. Широко распахнувшая глаза Люба, замерев в неподвижности, прижимала к груди куклёнка. Кто-то из детей, там, в дальнем углу, тихонечко подвывал.

Он вошёл в комнату. Дети, как по команде, встали. Люба побледнела, ещё крепче сжимая куклу.

– Садитесь, ребята. Продолжайте просмотр, – распорядился директор. – Митрофанова, – он посмотрел на Любу, – на дополнительные занятия. Математику будем подтягивать.

Люба, вжавши голову в плечи, медленно побрела к выходу.

– Куклу оставь. Маленькая ты что ли? – он укоризненно покачал головой.

Шторы в его кабинете были плотно задёрнуты. Неярко горела настольная лампа, освещающая лишь директорский стол, и оставляя остальное пространство на власть полумраку. Впустив Любу, он закрыл дверь на замок, вальяжно уселся на кожаную софу у стены.

Девочка стояла напротив него, переминаясь с ноги на ногу и не зная куда деть руки.

– Не напрягайся, Люба. Будто не знаешь, что ничего страшного с тобой делать не будут. Эти слова не возымели на неё никакого действия – она так и продолжала стоять в позе провинившейся ученицы.

– Иди-ка сюда. Садись. – Он указал на место рядом с собой.

Люба вяло и робко подошла, примостилась на самый краешек директорского дивана.

– Так, девочка моя, может быть объяснишь мне, что за концерт сегодня?

Она молчала и глядела в пол.

– Люба я тебя спрашиваю. Что с тобой случилось сегодня? Отвечай мне, – надавил директор.

– Это... это нехорошо, – еле слышно выдавила она из себя.

– Вот так номер! Что нехорошо?

– Это... это... то, что мы сейчас будем делать.

– Так-так-так. А что в этом нехорошего?

– Не знаю, – Люба всё также глядела в пол.

– Тебе кто-то это сказал?

Она помотала головой.

– А ты случайно никому не рассказывала? – его голос сделался грозным.

– Нет! Нет! – она, наконец, оторвала глаза от земли и испуганно глянула на директора.

– Потому что, если ты расскажешь то, что случится?

– Я никогда не стану манекенщицей, мне всё равно никто не поверит, и будут обзывать и смеяться, – без запинки ответила Люба.

– Молодец! Ответ правильный. – Он пододвинулся к ней вплотную и обнял за плечи. – А то, что это нехорошо – это глупости. Это ты брось, Любонька, – голос его стал мягким и ласковым. – Говорить об этом нехорошо, говорить об этом не нужно, никому и никогда. А делать это очень даже хорошо. Ты поняла, моя девочка? Запомнила?

Она кивнула.

– Умница! А теперь, Любонька, встань и разденься.

Девочка повиновалась. Снятую одежду она аккуратно сложила на полу в стопку.

– И трусишки снимай. Зачем они нам? Вот так. Ой умница ты у меня. Ой красавица!

Раскинувшись на софе, он смотрел на неё сальными глазками, смаковал, как гурман, не спешил, давая огню похоти разгораться торжественно и степенно.

«А деваха-то совсем созрела уже, – сердце его учащённо ухало, рот наполнялся слюной. – Совершенное тело! Поистине совершенное. Мать-природа обделила умом, но с лихвой компенсировала этими формами».

– Подойди сюда, детка моя. – он расстегнул ширинку. – Становись на коленочки. Давай, поиграем в «мороженку». Ну-ка!

Пару минут он сладострастно рычал, словно раненное животное.

– Остановись! А теперь ко мне иди. Полежай!

Люба «забуксовала».

– Ну давай, давай, полежай! Что с тобой?

– Григорий Иванович, давайте сегодня только в «мороженку» поиграем, а *это* не будем, – заканючила Люба.

– Так, дорогая моя. Ты манекенщицей хочешь стать?

Люба кивнула.

– А актрисой ты хочешь стать? В фильмах того режиссёра, что недавно к нам приходил, хочешь сниматься?

Люба опять кивнула.

– А ты знаешь, что все манекенщицы и актрисы делают *это*? Ты знаешь, что не делая *это* ни манекенщицей, ни актрисой не станешь?

Девочка помотала головой.

– Ты помнишь наш уговор? Мы с тобой играем в то, во что мы играем, а взамен я сделаю тебя манекенщицей, и режиссёра заставлю, чтобы он в кино тебя взял. Ты же хочешь стать манекенщицей и актрисой? Хочешь?

– Очень хочу, Григорий Иванович, – прошептала Люба.

– Ну тогда полежай!

Его глаза закатились от наслаждения.

– Ой! – вскрикнула Люба, – мне больно.

– Это просто так кажется, что тебе больно, – он говорил через разгоняющееся, прерывистое дыхание, – на самом деле это приятно. Очень приятно. Ты поймёшь, поймёшь...

Издав трубный финальный рёв, он повалился на софу, отвалил, как огромная, довольная, власть насосавшаяся крови пиявка.

Люба спешно принялась одеваться.

– Постой! Подойди сюда. – Он достал из кармана брюк пачку влажных салфеток, обтёр соответствующие места её тела. – Теперь одевайся.

– К зеркалу подойди, причёску поправь, – приказал директор после того, как Люба оделась. – А ещё лучше причешись, там расчёска лежит.

– Молодец. Теперь ко мне подойди. Люба, – он пристально посмотрел ей в глаза, – с тобой Арина Викторовна ни о чём не разговаривала?

– Разговаривала, – сразу призналась Люба.

– О чём?

– Она спросила почему у меня настроение плохое и почему я мало с ребятами общаюсь.

– И что ты ответила?

– Я сказала, что у меня нормальное настроение и с ребятами я общаюсь.

– Это ты правильно сказала, молодец. А вообще, Любонька, тебе и правда с ребятами больше общаться нужно, как раньше. Необщительных бук в манекенщицы не берут. Обещаешь мне, что больше не будешь букой?

– Да, – качнула головой Люба.

– А сейчас иди чистить зубы, и в койку. Постой! – он подошёл к столу и вытащил из ящика «Сникерс». – Держи. Это тебе.

– Спасибо, Григорий Иванович.

– Ступай.

Директор возлежал на софе, как древнеримский патриций на клинии, куря гаванскую сигару и попивая шотландский виски. Кончик сигары он периодически опускал в широкий стакан, отчего вдыхаемый дым, смешавшись со вкусом скотча, становился ещё более терпким и ароматным. Он выпускал его кольцами, вверх, к потолку. Кольца плыли по воздуху кабинета, как маленькие облака, таяли, превращались в туман, исчезали... На подключенном к DVD-плееру телевизоре крутился концерт Мадонны. В блаженно расслабленном сексом, сигарой и виски мозгу, мысли текли мерно и ровно.

Разве он педофил? Нет! Ведь его же не возбуждают малышки – девочки без вторичных половых признаков. Он просто любитель нимфеток. Он как Набоковский Гумберт. А Любе целых шестнадцать, к тому выглядит она на все двадцать. Между прочим, в Иране девочек выдают замуж с десяти лет. Что касается Любы, она должна быть ему благодарна. Какая судьба ждёт красивую девочку-сироту, да ещё и с дебилностью? Проституция. Однозначно, её кто-то будет использовать именно в таком качестве. Так пусть привыкает, приучается смолоду. Судьба... Это слово ему не нравилось. Он предпочёл бы ему другое – предназначение. Или предуготовление, если хотите. Предназначение у Любы такое – даровать другим плотскую радость. И тут ничего не попишешь, ибо оно спускается свыше, и тот, кто противится ему попадает в ад. Не в библейский ад, нет – в абсолютно реальный, земной.

А какое предназначение у него самого? Обеспечить достойную жизнь себе и своей семье. Дать достойный старт сыну. Но, конечно, не только в этом. Вершить судьбы. (Как громко и ласкающе слух это звучит – вершить судьбы!) Брать то, чего он по праву заслуживает. Обращать бесполезное в пользу. Быть сильным и мудрым. И пускай он не мальчик уже, но путь его ещё только вначале. Он обретёт то, чего он достоин. Так всегда происходит с теми, кто следует предназначению. Не бывает следствия без причины.

Он глубоко затянулся и выпустил громадное кольцо дыма.

7

Проснувшись, Инин лежал с открытыми глазами. Как бы ему хотелось, чтобы произошедшее вчера оказалось всего лишь сном! Но то был не сон, и свидетельство этому – вот оно: перед, а верней, над глазами – потолок гостиничного номера, а не его родной спальни. И ещё шум воды в ванной комнате, – Алевтина, эта свалившаяся ему на голову ведьма, встала раньше и уже принимает душ.

Он выбрался из постели и подошёл к окну. Люди с высоты шестнадцатого этажа казались крохотными, как букашки, а машины, как спичечные коробки. К автобусной остановке

бежала девушка. Он загадал: если успеет, то начавшаяся вчера история быстро и хорошо закончится, если нет – дела пойдут скверно. Конечно же, он ни капли не верил в эти загадывания, но сейчас всё-таки загадал. Девушка старалась изо всех сил. Автобус тронулся с места, когда ей оставалось до него метров пятьдесят-сорок. Видя это, девушка остановилась. Но водитель дверей не закрыл, ехал медленно-медленно, будто бы говоря ей: «Ну давай же! Ты успеешь, я в тебя верю». Она вновь припустила. Расстояние между ней и вожделенной дверью, к удовольствию Инина, уверенно сокращалось. Впереди, перед автобусом был перекресток. Горел красный свет. «Ага, – понял ситуацию Инин, – он всё равно будет ждать зелёного на светофоре, вот и решил дать девушке шанс». Она своим шансом воспользовалась. Автобус встал на стоп-линии, когда она оказалась прямо напротив двери. Виталий праздновал маленькую победу – и свою, и упорной девушки. Но тут, перед самым её носом двери захлопнулись. Водитель закрыл их несмотря на то, что продолжал гореть красный. Девушка постучала. Водитель не отреагировал. Через пару секунд зажегся зелёный, и автобус, резко рванувшись с места, уехал, обдав её чёрным соляничным дымом. «Вот козёл!» – выругался про себя Инин.

Если загаданное сбудется, всё должно пойти скверно. Он поспешил избавиться от этой бредовой мысли, отмахнулся от неё, как от мухи. Тут же вспомнилось любимое им высказывание Ральфа Уолдо Эмерсона: «Слабый человек верит в приметы и обстоятельства, сильный в причины и результат». Да и денёк обещает быть сегодня отменным: на небе ни облачка. «Мороз и солнце; день чудесный», – теперь пришли в голову известные каждому строки Пушкина. Инин бодро натянул брюки и водолазку, надел пиджак.

Из ванной вышла Алевтина, в белом махровом халате и с мокрыми волосами. Выглядела она так же свежо, как сегодняшнее небо за окнами.

– Доброе утро! – поприветствовала она Инина.

– Будем надеяться, – буркнул он.

– Ты куда-то уходишь?

– Да. Мне нужно. Часа через три-четыре вернусь. Закажи себе завтрак в номер. Я оплачу.

– А ты не позавтракаешь?

– Не хочу. – Он застегнул браслет часов на запястье. – Ты сиди в номере. Когда приду, будем решать, как дальше мы с тобой будем.

– Как в «Криминальном чтиве»?

– Именно.

– Виталик, – она присела на кровать, – а если это не тайна, куда ты идёшь сейчас?

– Да, конечно, не тайна. К бабушке. Продукты ей привезти. Да и вообще, я каждую субботу её навещаю. Если не приду, сразу поймёт, что что-то случилось, переживать будет, а она ведь старенькая уже совсем.

– Любишь бабушку? – Инину отчего-то показалось, что это был не дежурный вопрос, не заданный лишь из праздного любопытства или из вежливости. Ему показалось, что Алевтине по какой-то причине действительно очень захотелось это узнать.

– Я, Аля, никого не люблю, – он прошёл к шкафу с одеждой. – Не умею. – Он надевал пальто. – У меня есть друг – психиатр. Он сказал мне, что я нарцисс. Никого не люблю, кроме себя ненаглядного. – Инин подошёл к двери. – Он прав.

Виталий заказал такси до торгового центра с магазином «Органик Маркет». Только там он брал пищевые товары для бабушки – не в каких-то «Пятёрочке» или «Магните», где, по мнению Инина, продукты питания могли быть изготовлены из чего угодно и как угодно, а только в «Органик Маркет» – лучшей сети здоровой еды. Где всё фермерское, свежее и натуральное, – без гормонов, антибиотиков, без ГМО, консервантов, красителей и прочей вредной для бабушкиного здоровья дряни. Конечно, можно бы было не париться и вызывать доставку, но он предпочитал выбирать продукты для бабушки самолично.

«Презабавнейшая девица, – думал он об Але, пока ехал в такси. – Патологическая фантазерка. Надо же такое наворотить! И про всемогущего Архивариуса, и про охоту, и про каббалу, и про предназначение... Видимо, под влиянием вчерашнего стресса у неё это случилось. Похоже, патологический фантазёр сам верит в свои придумки. Нужно будет у Светлакова спросить. Но зато, чёрт возьми, мне не скучно в кои-то веки! И всё было бы вообще превосходно, если бы тот придурок не улетел с крыши». Инин представил распластанный на мостовой труп, и поморщился.

«Она говорила, что знает иврит. Проверим», – подумал Инин, и достал телефон. Загуглил «Да исполнится воля твоя на иврите». Вышло $\text{יְשַׁעַר רְצוֹנְךָ}$, что в транскрипции так и чит: «иеасэ рцонха». Стало быть, здесь Алевтина не нафантазировала. Но это совершенно не означает, что всё остальное правда.

Он вышел у торгового центра. Прямо у входа приземистый мужичок пел, аккомпанируя себе на гитаре. У ног его лежал открытый футляр, в котором поблёскивали брошенные монеты, перемежаясь с редкими купюрами небольшого достоинства. На гусарских усах мужичка поблёскивал иней. Но несмотря на холод и крохотный гонорар, физиономия исполнителя выглядела вполне счастливой.

«И я стану новой суперзвездой. Много денег, машина, все дела...» – выводил мужичок.

«Как же, станешь ты суперзвездой, старый лузер», – Инин бросил брезгливый взгляд в его сторону и вошёл в стеклянные двери.

Бабушкин замок он отпер своим ключом. Он делал так уже несколько лет с тех пор, как она вручила ему этот ключ со словами: «Возьми, а то помру, дверь ломать придётся».

Его встретил сладкий запах ванильной сдобы. Булочки или ватрушки? Рот сразу наполнился слюной. Пока он снимал пальто и разувался, в прихожую вышла бабушка. Ходила она не по-стариковски, не шаркая. В синем спортивном костюме с белыми лампасами на штанинах и рукавах, с выкрашенными в чёрный цвет волосами, с моложавой короткой стрижкой (Инин сам возил её к мастеру), с аккуратно подкрашенными неяркой помадой губами.

– Что-то ты припозднился, Виталия. Ватрушки-то стынут!

«Ага, стало быть, всё же ватрушки»

– Ну так ставь самовар.

– Так включила уже.

Любимый с детства самовар. Электрический. Купленный ещё в советское время. Сколько Виталий помнил себя, он всегда стоял на бабушкиной кухне, посередине стола, на почётном месте. И всегда они с бабушкой пили из него чай. Иногда, бывая в гостях, вместе с ними чаёвничал Светлаков Юрка. Боже, как давно это было! А самовар всё тот же, всё также пыхтит и сопит, словно ёж, когда закипает. За столько лет не подвёл ни разу. И выглядит, будто новенький.

– Вот яички, – он перекладывал продукты из пакета в холодильник, – вот творожок, килограмм взял, вот сосиски, «Молочные», как ты любишь.

– Балуеть ты меня.

– Да уж, тебя побалуешь.

– Кормишь, как на убой. Всё равно кискам половину выношу, чтобы не пропадало.

– Так выноси. Кискам тоже покушать надо.

Самовар, заурчав, закипел. Бабушка заварила чай с чабрецом и мятой. Выставила на стол блюдо полное пухлых ватрушек, пышущих ароматным жаром. Вовсе они не остыли! Инин уплетал их за обе щёки, запивая чайком, а бабушка, оперев на ладошку щёку, просто смотрела. Она делала так всегда. Она любила смотреть, как он кушает.

– Может тебе ещё яишенку пожарить? Глазунью. А, Виталь?

– Не, – замотал головой Виталий, – только ватрушки. Не встану, пока всё не съем, – отвечал он с набитым ртом.

Закончив трапезу, Инин потянулся за сигаретой.

– Ишь удумал чего! – бабушка хлопнула его по руке. – Курить я тебе не дам. Нечего здоровью вредить. Помоги лучше бабушке. Научи, как видео в интернет выставлять. Я тут на телефончик сняла, как кошек своих во дворе кормлю. – Она протянула ему смартфон.

– Да элементарно, бабуль, также, как и с фотографией. Гляди. Сначала в галерею заходим. Где твои кошки? Ага, вот они. Кликаем сюда, теперь сюда и сюда. Вот и готово.

– А ну-ка ещё повтори, чтобы я запомнила.

– Ладно. Гляди ещё раз, блогерша ты наша.

– Да уж, блогерша дементная.

Естественно, дементной бабушка не была от слова «совсем». Всю жизнь, с институтской скамьи до пенсии, проработала в школе учителем русского и литературы. Это она привила Инину любовь к чтению. Бабушка никогда ничего не навязывала. Напротив, она говорила: «Давать восьмиклассникам «Войну и мир» – преступление. Это есть лучший способ отбить желание читать классику на всю жизнь». Она умела, как бы случайно, будто бы невзначай, в нужный момент подбросить нужную книжку. «Тома Сойера» или «Алые паруса», «Трёх мушкетёров» или «Малыша и Карлсона, который живёт на крыше», «Волшебника изумрудного города» или «Как закалялась сталь» ... И как она только угадывала, что именно это нужно Виталику в данный момент?

– Ну я пойду, бабуль?

– Что-то ты сегодня вообще рано засобирался.

– Да дела срочные, ба. Но я обещаю, в следующую субботу посижу дольше. А хочешь, билеты в театр возьму? Мне и тебе, а?

– А вот хочу! – с шутливым вызовом ответила бабушка.

– Всё. Замётано. – Он собирался встать, но вдруг задержался. – Бабуль, послушай, а как ты думаешь, я бы смог человека убить?

– С чего это вдруг? – бабуля опешила. – Что за вопрос такой страшный?

– Да это... ты знаешь, – Инин выкручивался из положения, – Юрка Светлаков, помнишь его? Вот он моду взял в последнее время, вопросы неожиданные задавать. Порой такое спросит, что хоть стой, хоть падай. Ну я от него, видать, и научился. Это ж, с кем поведёшься, от того наберёшься.

– А зачем он так делает?

– Не знаю, – Виталий пожал плечами. – Наверное, спонтанность ума тренирует.

– У него или у тебя?

– У обоих, – подмигнул бабушке Инин.

– Ох, Виталя, темнишь ты чего-то. Но на твой вопрос я отвечу. На дуэли, как Печорин Грушницкого, смог бы. А из корысти, из мести, в ярости – никогда, – уверенно ответила бабушка.

«А ведь верно, то, что произошло на крыше – это была дуэль! – пришло озарение к Инину. – Значит, я не убийца, – я дуэлянт. Причём, дуэлянт поневоле».

От сердца в тот же миг отлегло, будто душная волна откатила. Bravo, бабуля! Какая же ты дементная?

Простившись с бабушкой, Инин сначала заехал к себе домой, чтобы забрать машину, и лишь потом вернулся в гостиницу.

Лифт вёз его наверх. По боковой панели бежали цифры, отсчитывающие этажи. Вместе с цифрами бежали мысли. А что, если она пришла в себя и скажет, что история про Архивариуса – шутка? Или заявит, что ничего не помнит о своих вчерашних рассказах? А может быть, она уже сбежала, и он больше никогда её не увидит? А вдруг она всё же возьмёт, да и напишет заявление в полицию? «У неё все мои данные, я же анкету в ресторане заполнил, дурак!»

Открыв дверь номера, Инин понял, что в чём-то он попал в точку. Номер был пуст. Не было сумки-мессенджера, лежащей, когда он уходил у кровати. Не было её, брошенной на кресло, вязаной шапочки. Только открытый флакончик губной помады на полу и записка на тумбочке.

Позвонили. С мамой беда. Это они.

Далее был накарയാбан адрес и телефон.

Строчки кривые – буквы и цифры прыгали в разные стороны. Было видно, что записку писали впопыхах и сильном волнении.

«Что, блин, за *они*?» – Инин недовольно насупился.

Первым порывом было смять записку к чертям, швырнуть её на пол, к помаде, и идти прочь. Но какой-то голос внутри него шепнул: «А вдруг то, что она рассказала тебе – правда? Ну хотя бы часть». И ещё один, такой ехидно-назидательный, добавил: «Упустишь её раньше времени из вида, она тебя ментам сдаст. На зону-то всё же не хочется!»

Он набрал указанный номер.

«Данный абонент находится вне зоны доступа или отключен», – ответил бот.

В злобе он пнул флакончик с помадой, скомкал записку, сунул её в карман и нервно вышел за дверь.

Сев за руль, первым делом выкурил сигарету; курил нарочито неторопливо, чинно; и только потом развернул записку.

Адрес улица Семенова 23, квартира 13, ему ни о чём не говорил. Он забил его в навигатор и присвистнул. Окраина, другой конец города! Инин чертыхнулся и включил зажигание.

Район, куда навигатор привёл Инина, восторгов не вызывал. Унылые ветхие четырёхэтажки обрызгшими пьяницами серели вдоль дорог с разбитым асфальтом. Грязные сугробы по обочинам в этом забытом коммунальщиками околотке местами были в человеческий рост, а над костлявыми голыми деревьями кружили смерчи ворон.

Дом 23. Инин въехал во двор. Смолящий на лавочке сигаретку небритый мужик в шапке-ушанке, завидя его новенький «Ауди А8L», подозрительно покосился. Очевидно, подобные экземпляры заезжали в его тмутаракань нечасто. Инин захлопнул дверцу, нажав на кнопку брелока автосигнализации; его щегольское авто дерзко пикнуло. На двери подъезда не было и намёка на домофон, – «дом открытых дверей», заходи, кто хошь! В подъезде ожидаемо разлило мочой. Он поднялся на третий этаж и постучал в необитую деревянную дверь: звонка при ней не имелось.

На стук не отозвались. Он постучал ещё, настойчивее и громче. За дверью была полная тишина. В сердцах Инин пнул дверь ногой.

«Чёртова психопатка!»

Он вынул из карман мобильный и снова набрал её номер. На сей раз ответили.

– Кто это? – приглушенно спросил испуганный голос.

– Это я, Алевтина. Виталий Инин. Ты дома?

– Д...да.

– Дверь открой.

Алевтина открыла и, как боязливый зверёк, отскочила назад. На неё было страшно смотреть. Её трясло: дрожало всё – пальцы рук, плечи, губы. Влажные размазанные глаза полны горя и страха. На ставшем мертвенно-бледным лице потёками запеклась тушь.

– Чего не открывала-то? Что случилось?

– Я думала это *они* пришли. Они... они маму убили.

Глава 3

8

На старом, выцветшем диване лежало тело, накрытое с головой простыней.

– Можно? – Инин взялся за краешек.

Аля кивнула.

Он откинул простынь с лица. В том, что пожилая измождённая женщина была матерью Алевтины не было никаких сомнений. Тот же высокий лоб, те же азиатские скулы, остатки рыжины в волосах. Инин взялся было за запястье женщины, чтобы прощупать пульс, но тут же оставил эту затею. В ней не имелось смысла, – рука женщины была ледяной. Мать Алевтины мертва, и это уже не фантазии, не придумки – факт.

– Как это случилось? – Инин хотел было присесть на колченогий обтрёпанный стул, но побрезговал, остался стоять.

– Как только ты ушёл, мне позвонили. Сказали: твоя мать ответила за твой грех. И это своё проклятое «иеасэ рцонха», – её губы опять задрожали.

– Так. Кто позвонил?

– Я не знаю. *Они*.

– Номер у тебя определился?

– Не знаю.

– Что значит, не знаю? Открой телефон, посмотри.

Аля взяла смартфон. Он подпрыгивал в её пальцах.

– Во входящих звонках ничего нет. Может по ватсапу звонили? – непослушные пальцы прыгали по экрану. – Нет, в ватсапе тоже ничего. Может быть, по телеграм?

– Дай сюда, сам посмотрю, – он нетерпеливо забрал у неё телефон. – Действительно ничего нет, – вынес он вердикт после пары минут изучения, – последний входящий звонок у тебя только вчера днём был.

– Значит, по телеграм они позвонили! Там же чат убираешь и у себя, и у отправителя. Убрали они звонок!

– Да знаю я, знаю. Сам так подумал.

Ещё он подумал: «Если этот звонок вообще был», но озвучивать мысль Инин не стал.

– Так. Дальше что? – он вернул ей смартфон.

– Я хотела тебе позвонить, но номера твоего не знаю. Поэтому написала записку и побежала сюда.

– Дальше.

– Захожу. Мама лежит на диване, как сейчас. Нет дыхания, пульса. Я непрямой массаж сердца делала, искусственное дыхание. Но... – из глаз снова брызнули слёзы, – всё было поздно.

– Соберись, Алевтина, – он слегка встряхнул её за плечи. – Ты видела следы борьбы? Какие-то повреждения на теле у мамы есть? – Инин снова подошёл к трупку, и принялся внимательно осматривать шею и голову. Ни кровоподтёков, ни царапин, ни ссадин он не увидел.

– Следы борьбы? – Аля растерянно пожала плечами. – Вроде бы нет. Всё на своих местах.

«Всё на своих местах!» – воскликнул про себя Инин.

В комнате был беспорядок, граничащий с хаосом. Чего только стоил обеденный стол! На нём громоздилась немытая посуда с присохшими к мискам остатками пищи, полупустая консервная банка, чулки, заштопанные носки, полная окурков пепельница, уют, томик стихов Некрасова... Нечто подобное он уже видел. На съёмной квартире отца, куда тот съехал после развода.

– Аля, такие вопросы есть, – он аккуратно покрыл умершую простыней. – Первый: как они могли зайти в дом? И второй: каким образом они её убили? Следов борьбы, по твоим словам, нет. Да и на теле у мамы повреждений я не заметил.

– Ну так она сама открыла им дверь! Так и зашли. А потом, её просто держали и ввели яд.

– Ввели яд?! – Инин чуть не поперхнулся. – Аля, а ты не допускаешь такой версии, что твоя мама болела, и умерла своей смертью? Инфаркт или инсульт.

Алевтина изменилась в лице. Оно было бледным, теперь же в один миг стало алым.

– Моя мама ничем не болела. Она была абсолютно здоровой, – процедила она сквозь зубы, борясь с нахлынувшими обидой и гневом. – И про звонок, получается, я тоже тебе наврала? И про то, как они убили Валеру тоже? – она сорвалась на крик. Слезы из глаз больше не капали, – они хлынули настоящим потоком. – Ты мне не веришь! Ты до сих пор мне не веришь! Даже смерть моей мамы для тебя ничего не доказывает. А знаешь, что? – она, сжав кулачки и наклонив вперёд голову, двинула на него, став похожей на маленького, но безумно яростного корридного бычка. – Проваливай отсюда! Катись! Вон!

– Стой, стой. погоди, – Инин выставил руки вперёд ладонями. – Успокойся, пожалуйста. Я верю тебе. Просто, я предположил, что возможно, они только припугнули тебя своим звонком, а мама, ну... сама умерла. Это только гипотеза, я просто ей поделился, и всё.

– Иди ты в пекло со своими гипотезами, – прошипела Аля, но кулачки разжала.

– Хорошо. Давай рассмотрим твою версию об отравлении. Только, ради бога, спокойнее. Сейчас нам только разругаться с тобой не хватало! Чем, по-твоему, её могли отравить? Тоже наркотиками накачать, как твоего Валеру? Если это так, то экспертиза покажет, и...

– Ничего она не покажет! – Аля не дала ему договорить. – Ты знаешь, что отравить человека так, чтобы никакая экспертиза не подтвердила, проще простого? Одного миллилитра инсулина достаточно для здорового человека, – не диабетика, чтобы его убить. А потом – гипогликемия, кома и смерть. И никакая экспертиза ничего не покажет, потому что введённый инсулин будет использован организмом. Ничего в крови не останется! В заключении о причинах смерти будет написано: остановка сердца, острая сердечная недостаточность. – Она перевела дух. – И даже если бы ей ввели, что-нибудь определяемое, скажем, наркотик, да хоть мышьяк, то как только ментам станет известно, что в деле замешан Архивариус, дело замнут. Понимаешь ты это, нет?

– Ладно. Но в полицию-то по любому сообщить нужно. Скорую вызвать, или что там делают в таких случаях?

– Вызывают полицию и врача из поликлиники. Но сегодня выходной день, поэтому надо звонить в скорую. Врач должен зафиксировать смерть, а полиция протокол осмотра трупа написать.

«Как чётко она всё знает! – поразился мысленно Инин, но тут же пришло объяснение: – Алевтина реанимационная медсестра».

– А что потом? Судебная экспертиза будет?

– Если полиция установит, что человек умер по естественным причинам, покойного направят в обычный морг, – Аля судорожно вздохнула. – Если покойный не пенсионного возраста или обнаружены признаки насильственной смерти, отправят на судебную экспертизу.

– Твоя мама пенсионного возраста?

Аля кивнула.

– Значит, в обычный, – Инин потёр лоб. – А полиция, она ведь опрашивать тебя будет?

– И меня. И, возможно, соседей, как понятых пригласит. И к тебе вопросы возникнут.

Поэтому, лучше тебе выйти на время.

– Резонно, – согласился Инин. – Ты расскажешь им про звонок? – он напряжённо посмотрел ей в глаза.

– Нет, конечно. Это бессмысленно. Сначала на допросы затаскают, а когда поймут, что дело касается Архивариуса, спустят на тормозах. Ещё и меня в чём-нибудь обвинят. Да и твоё превышение самообороны тоже на свет вылезет. Шайке Архивариуса не сделают ничего, а тебя под суд отдадут.

– Резонно, – повторил Инин.

– Тогда иди, – слёзы на её глазах высохли. – Я буду полицию со скорой вызывать. Позвоню, как уедут.

– Справишься?

– Справлюсь.

– Всё-таки хорошо, что ты медик. Всё знаешь. Ну, в смысле, что и как делать надо... –

Инину хотелось как-то её подбодрить, но вышло нелепо.

– Не всё знаю. Вот когда зеркала завешивать, сейчас или после того, как тело вынесут?

– Хочешь, я в Гугле погляжу?

– Угу.

Он посмотрел.

– Пишут, сразу после смерти завешивать нужно.

– Спасибо.

Он спустился по лестнице, сел в машину, завёлся, поехал. Хотелось скорее выбраться из этого унылого, пахнущего нищетой, околотка – района живущих на обочине жизни. Инина такие места ввергали в депрессию. Последний год своей жизни его отец прожил в похожем месте. Оставив окраину позади, вырвавшись на широкий проспект, он остановил машину на первом же разрешённом ПДД месте. В Архивариуса верить по-прежнему не хотелось, а верней, не могло. Но не слишком уж совпадений? Полоумный на крыше, выкрикивающий «иеасэ рцонха», что действительно означает «да исполнится». Едва не сбивший его автомобиль. Наконец, смерть матери Алевтины. А ведь она предупреждала, что мать могут убить. Непонятно всё это, противоречиво, запутано. «Если не можешь решить вопрос, забей и поспи», – правило это Инин уважал, и частенько им пользовался. Откинул спинку сиденья назад, задремал. Его разбудил телефонный звонок. На экране высвечивался незнакомый номер.

– Это я, Виталик.

По голосу он узнал Алевтину. Просто не успел ещё ввести её имя в список контактов.

– Как дела у тебя? Полиция уехала?

– Да. Я уже трупоперевозку вызвала.

– Я могу возвращаться?

– Да. Жду.

Пришла мысль: «Надо поговорить со Светлаковым, рассказать ему всё, посоветоваться».

Когда он поднялся на лестничную площадку к Але, из соседней двери выкатилась пожилая грузная женщина в искусственной, местами облезшей шубе. Её подозрительный взгляд говорил: «А ты ещё кто такой будешь?»

– Здравствуйте! – поздоровался Инин.

– Здравсте. Вы из ритуальных услуг что ли?

– Нет. Я двоюродный брат Алевтины, – соврал Инин.

– А, родственник, значит. – Она оглядела его с головы до пят.

– Да. Тут такое случилось... Похоже, вы уже знаете.

– Как не знать? Милиция, скорая. Потом тело вынесли. Царствие небесное Евдокии! – женщина перекрестилась.

– Так неожиданно всё случилось.

– Как неожиданно? – соседка выкатила глаза.

– Ну так здоровая-то тётя Евдокия была, и тут...

– Здоровая? – женщина усмехнулась. – Да, молодой человек, видать давно вы родственников не посещали.

– А что с ней не так было? – насторожился Инин.

– Да как вам сказать... – соседка явно раздумывала продолжать ей или остановиться, – Евдокия с дочкой, сестрой вашей, здесь пару месяцев, как квартиру снимают, говорят в доме ремонт у них идёт.

– Да-да, я в курсе, – закивал Инин.

– Так что не могу сказать, что хорошо с Евдокией знакома была, но кое-что знаю.

– Что знаете?

– Хворала Евдокия, – женщина покачала головой. – Очень хворала.

– А чем?

– А этого, мил человек, я вам говорить не стану. Вы лучше сестру свою расспросите, – ответила соседка и стала спускаться по лестнице, переваливаясь, словно большая неуклюжая утка.

9

Едва Инин зашёл в прихожую, как в ноги к нему бросился пёс. Маленький длинноухий спаниель, игриво виляя хвостом, тыкался носом в колени и преданно заглядывал гостю в глаза.

– А это у нас кто? – Инин присел на корточки, потрепал собаку по голове.

– Это Тобик, – ответила Аля.

Пёс полизал Инину руку.

– Какой дружелюбный! Первый раз меня видит, а уже такая любовь.

– Такой он. Всем рад, всех любит.

«Как Светлаков», – отметил про себя Инин.

– Да. Не охранник.

Аля кивнула.

– А где он раньше был? Ну, когда я первый раз заходил, его не видел.

– Я к Насте его отводила.

– Кто такая Настя?

– Соседка с четвёртого.

– Ясно. Маму уже увезли?

– Да. Минут за пять до твоего прихода вынесли. Ты проходи, Виталик, чего в дверях-то стоять? Нет-нет, не сюда. Сюда, – она показала рукой. – На кухню, не в комнату. Там беспорядок. И на диван, где мама лежала, я больше смотреть не могу. – Аля закусила задрожавшую губу, не давая себе разрыдаться.

Они сели за маленький поцарапанный столик, на табуретки, друг против друга. Крохотная кухонька ненамного отличалась от комнаты по части чистоты и порядка. Ворох посуды в раковине, забрызганная липкой жижей плита с чайником, который забыл, когда его мыли, усыпанный крошками пол; пробежал таракан... Оглядывая кухню, Инин едва удержался от того, чтобы не присвистнуть: «И в этой квартире жили не два алкаша, а две женщины!»

– Каков план действий? – сразу же спросил он, не позволяя повиснуть ненужной паузе.

– Маму похоронить надо, – Алевтина уронила в ладони голову.

– Это ясно. Выбирай любое бюро ритуальных услуг. Я оплачу.

– А с чего это ты должен платить? – Аля подняла голову и возмущённо поглядела на Инина.

– А с того, что так надо, – ответил Инин тоном, дающим понять, что дальнейшие дискуссии на эту тему абсолютно бессмысленны и бесполезны. Так что Але оставалось только тихо сказать «спасибо» в ответ.

– Теперь давай вот о чём подумаем. Ты говорила, что по телефону тебе сказали, что мать ответила за твой грех. Я правильно понял?

– Да.

– Означает ли это, что тебе больше бояться нечего? Архивариус удовлетворён мстью и умывает руки.

Из угла кухни раздался металлический звон. Это Тобик залепил лапой по пустой миске.

– Ой! Нужно корма ему насыпать. Совсем про собаку забыла со всем этим ужасом.

Она наполнила миску кормом и вернулась к столу. Инин продолжал глядеть на неё вопросительно.

– Я не знаю. Я хочу на это надеяться, но... Архивариус – фанатик, непредсказуемый псих. Один только чёрт может знать, что у него в голове.

– Откуда такие сведения?

– Как откуда? – удивилась Аля. – Я же тебе говорила. От Вадима, от следователя.

– А, это тот, который тебе жизнью обязан?

– Ну да.

– Ясно. Значит, в целях безопасности лучше полагать, что охота на тебя не закончена.

– Думаю, да. К тому же, у меня чувство такое... м-м-м... что мы в опасности. Я и ты.

– Раз так, то тебе лучше вернуться в гостиницу. Я бронь с номера не снимал.

– Наверное, так будет правильнее, – согласилась она после некоторого размышления. – Только, – она поглядела на хрустящего кормом Тобика, – куда я собаку дену? В гостиницу с собаками не пускают.

– Это верно. Но ты ведь его своей Насте можешь отдать. На время.

– Хм. На пару-тройку дней она согласится. А дальше?

– А дальше видно будет, – Инин подмигнул, – разберёмся.

Аля сначала пожала плечами, потом кивнула.

– Ну тогда отводи собаку, и поехали. Не вижу смысла время терять.

Вернувшись от соседки, Аля сообщила, что та согласилась оставить собаку до вторника.

– Едем тогда, – заторопился Инин, вставая.

– Погоди. Мне нужно собрать вещи и документы, свои и мамины. Ещё платье мамино надо взять, в котором хоронить её буду, и туфли с косынкой.

«Нервы у девушки не стальные, конечно, но крепкие, не смотря на её паранойю, – подумалось Инину. – Сразу после такого шока сориентироваться в ситуации! Про платье и про косынку подумать! Люди при таких обстоятельствах обычно растеряны, соображают неважно. Случись что-то подобное с кем-нибудь из моих, вспомнил бы я об этом?»

– Так, может быть, позже вернёшься, – не завтра же похороны. Тогда и соберёшь всё что нужно спокойненько, – предложил Инин. Пребывание в убогой и грязной квартирке откровенно осточертело.

– Виталик! – Аля придержала его за руку. *Они* следят за квартирой, я чувствую. И будут следить за ней дальше. Возвращаться сюда опасно. Я больше сюда не вернусь.

– Но за собакой ведь всё равно придётся.

– Не придётся. Попрошу Настю куда-нибудь её привезти.

Инин вздохнул и снова сел на табурет. Минут через десять Аля собрала сумку. Виталий, вздохнув на сей раз облегчённо, подхватил баул и поспешил к выходу.

– Это твоя машина?! – не смогла сдержать восхищённых эмоций Аля, когда перед ней открылась дверца шикарного авто представительского класса. – Наверное, бешенных денег стоит?

В ответ Инин только махнул рукой.

Он собирался тронуться с места, но Аля опять остановила его.

– Пстой. Нам нельзя ехать прямо в гостиницу на твоей машине. Они проследят за нами. Они узнают, где мы.

– И что же ты предлагаешь?

– Поедем туда, где можно будет оставить машину, ну, на стоянку какую-нибудь платную. Потом пересядем на такси. Потом на метро. Потом на автобус. Потом опять на такси – уже до гостиницы.

– Уф! – он закатил глаза.

– Виталик, не злись. Ты просто всё ещё не понимаешь с кем мы имеем дело.

«С сумасшедшей девицей», – подумал про себя Инин. Вслух же сказал: «Хорошо. Только можно хотя бы автобус из твоего списка пропустим?»

По дороге до автостоянки Алевтина то и дело озиралась назад, непрерывно спрашивая: «Тебе не кажется, что эта машина всё время едет за нами. Или, может быть, эта?» Инин лишь молча качал головой. То же продолжилось и в такси. Поуспокоилась Аля только в метро.

Они подошли ко входу в отель, когда уже вечерело. От голубизны неба, что утром порадовала Инина, не осталось теперь и следа. Оно было беспросветно затянуто серой унылой хмарью, готовой опрокинуть на город новые тонны снега.

Инин заказал ужин в номер. Говяжий стейк и бутылку «Хеннеси». Разлил по бокалам.

– Ну что, помянем маму?

– Я не пью алкоголь. Я уже говорила.

– Даже по такому случаю?

– Я не переношу алкоголь, – повторила Аля с нажимом.

– А я выпью, – Инин отхлебнул из бокала, – мне на эти два дня стрессов хватило.

– Я бы тоже выпила, только не алкоголь, а транквилизатор или снотворное. Просто забыться хочу. Ни о чём не думать, уснуть...

– Так давай я из аптеки доставку закажу.

– Не выйдет. Такие лекарства только по рецепту продают.

– Ну а что-нибудь без рецепта взять можно?

– Корвалол и персен, разве что. Слабенькие успокоительные, не уверена, что поможет.

Лекарства доставили в номер уже через полчаса. Аля ошиблась – успокоительные сработали. Ещё через полчаса она уже крепко спала на своей половине кровати. А вот Инину не спалось. Не помог даже «Хеннеси». Он лежал, заложив руки за голову, и размышлял, уставившись в потолок.

Что у «ведьмы»? Синдром патологического фантазирования? Параноидальная шизофрения? Верить в рассказы об Архивариусе он отказывался. Правда, уже не столь решительно, как сутки назад. Но про то, что мать ничем не болела, получается, Алевтина врала! Вид у умершей был весьма и весьма болезненный. («У умершей болезненный вид». Инин сам усмехнулся такой своей мыслью). И старуха-соседка тоже сказала: «Хворала Евдокия, очень хворала». Почему Алевтина врёт? А главное, для чего?

Он поглядел на спящую девушку. Выглядит совсем юной. Не то что тридцать лет, ей двадцать не дашь. Такая свежая, нежная... Рыжие волосы размётаны по подушке. Тихонько посапывает, совсем, как ребёнок. А ещё, чертовски красива! Даже сейчас, когда совершенно безо всякой косметики. Инин невольно залюбовался. Может ли настолько красивая девушка быть сумасшедшей? «Ещё как может», – ответил он сам себе и принялся копаться в айфоне, забивая в строку поисковика поочередно: «патологическое фантазирование, паранойя, шизофрения...» В выводываемой информации что-то было спорно, что-то противоречиво, а что-то совсем непонятно. Может быть, из-за «Хеннеси»?

«Завтра иду к Светлакову», – решил он, закрывая айфон.

Утром за огромным окном бесновалось сизое марево. Миллионы злых мелких снежинок атаковали стекло. Январь выюжил, свирепствовал. Инин давно уже встал, принял душ, выпил

чашечку кофе. Алевтина ещё спала. Или делала вид, что спит. Он надел пуховик. Она открыла глаза, повернулась на бок, подперев рукой голову, посмотрела на Инина.

– Недоброе утро! – поприветствовал Инин.

– Недоброе, – отозвалась Аля.

– Мне по делам нужно. Буду часа через три.

– Виталик, ты, конечно, не должен передо мной отчитываться, но... – она поднялась, села на край кровати, – если можно, скажи куда ты идёшь.

– С другом встретиться нужно.

– Это тот самый, который психиатр?

– Хм, – удивился Инин, – а ты откуда знаешь, что у меня друг психиатр?

– Так ты же сам мне сказал.

– Не помню.

– Бывает.

– Завтрак в номер себе закажи.

– Виталик, прошу тебя, будь осторожен.

– Угу. Не скучай.

– Мне скучать некогда будет. Похоронные бюро буду обзванивать.

– Ну, пока!

Спустившись в холл, Инин набрал Светлакова.

– Привет, Светлаков! Чем занят?

– Да вот сидим с Валькой пельмени на обед лепим. А тебе чего надо-то?

– В гости на пельмени к тебе хочу.

– Вах! – Светлаков опешил. – Ты чего, Инин, с дуба рухнул? В кои-то веки ты ко мне в гости решил зайти? Тебе ж запахло в мою трущобу захаживать!

– В трущобу-то запахло, конечно. А вот пельмени пожрать и твою рожу увидеть – нет. В пятницу же так и не встретились.

– Как бабка-то твоя, кстати? Здоровая?

– С бабкой всё норм.

– Ну лады тогда. Жду. Вот Валька-то удивится!

Через час с небольшим, с двумя коробками «Рафаэлло» для детей и букетом нарциссов для жены друга, Инин звонил в дверь Светлакова.

– Приветствую! Валя, это тебе, – он протянул букет.

– Смотри-ка! Нарциссы от нарцисса, – съязвил Светлаков. – И где он их только зимой раздобыл? Айда на кухню. Валька! Пельмени закидывай!

По кухне витал аппетитнейший дух пельменного бульона. Блюдо с самими пельменями, с плавящимся на них сливочным маслом, приправленное перцем-горошком и лавровыми листьями, стояло по центру стола. Валя шумовкой раскладывала пельмени по тарелкам – мальчишкам – Васке и Димке, Инину, Светлакову. Здесь пахло не только пельменным бульоном, здесь пахло тихим уютом и простым человеческим счастьем. На какой-то миг Инин опять позавидовал другу. Но как только осознал это чувство, стряхнул его, сбросил, как сбрасывают с себя дурманящий морок, отшатнулся, как от чумы...

После пельменей был чай с вареньем и плюшками. А после чая, Инин, поблагодарив за обед хозяйку, сказал: «Валя, ты уж прости, что мужа по пятницам у тебя ворую. Обещаю, что... не исправлюсь. Буду воровать дальше. Но только по пятницам. Правда, сегодня прошу сделать для меня исключение. Я сворую его у тебя прямо сейчас. Всего на минут двадцать. Ты мне позволишь? У меня к Юрке срочный разговор есть. Выйдем мы, поговорим, а?»

– Так зачем выходить? На улице-то мороз с вьюгой. Дома поговорите. Я с пацанами в комнату уйду. Секретничайте сколько хотите.

– Валь, а если курить захочется?

- Да на кухне курите. Только окно откройте.
- Ну, Юрка, да у тебя золотая жена!
- Завидуй! – выкрикнул с набитым ртом, дожёвывающий плюшку Светлаков.

После того, как Валентина с детьми вышла из кухни, Инин проверил, насколько плотно закрыта дверь.

- Что за паранойя, чувак? – удивился Юра.
- Инин вернулся на место, сел напротив него.
- Так, Юрка, готовься. Сейчас ты офигеешь.
 - Да что случилось-то?

– Это какое-то грёбаное наваждение. Как будто сон какой-то дурацкий. Никогда бы не поверил, что такое может случиться со мной. Не поверил бы, что вообще такое может случиться.

- Да не томи ты уже!
- Короче, в пятницу я тебе сказал, что бабушке моей плохо с сердцем стало. Это враньё.

На самом деле было вот что...

Он подробно рассказал ему всё.

- Поэтому, Юрка, мой главный вопрос к тебе: эта девка больна?

Светлаков долго молчал, размышлял о чём-то.

– Да-а, дела... – наконец, протянул он. – Знаешь, Виталик, вот ты говоришь паранойя, шизофрения, патологическое фантазирование... кстати, есть ещё такой термин, как фантастическая псевдология. Но только с твоих слов я диагнозы ставить не могу. Мне на человека посмотреть надо, побеседовать с ним. Есть вероятность, что у неё любое из перечисленных заболеваний. Но такая же вероятность и того, что она совершенно здоровый человек, который просто для чего-то пытается водить тебя за нос. И ещё, не рассматривал ли ты возможность, хотя бы микроскопическую, что то, что она тебе говорит – правда?

- Про Архивариуса?!

– Про Архивариуса.

- Но это же невероятно, Юра!

– Как говорится, «порою правда всякой выдумки страннее».

– Ты ещё Шекспира сюда приплети. «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

- Можно и Шекспира.

– Ладно. Ты мне скажи, уколом инсулина человека можно убить?

– Теоретически, да.

- И экспертиза ничего не покажет?

– А что она может показать? Инсулин делает своё дело и израсходуется. К тому же, инсулин не яд. Это гормон, который вырабатывается организмом.

– Ну да, она мне тоже что-то подобное говорила, – Инин потёр виски. – Но ведь соседка утверждала, что её мать была больна.

– Соседка источник недостоверный. Тебе с заключением патологоанатома ознакомиться нужно. В морге родственникам умершего выдают документ. «Медицинское свидетельство о смерти» называется. В нём есть пункт «причины смерти». А в нём подпункты «непосредственная причина» и «первоначальная». «Непосредственная причина» – это то, от чего человек умер, а «первоначальная» – это то, чем он до этого болел. Завтра твоей рыжей ведьме такой документ выдать должны, вот и поинтересуешься.

- Спасибо, друг. Просветил.

– Да не за что. Обращайся. Ты мне скажи, что дальше делать намерен?

- С похоронами ей нужно помочь.

– Вот что мне интересно, Виталик, чего это ты с ней так возишься? Сие на тебя не похоже. Боишься, что она ментам тебя сдаст?

– Не то чтобы боюсь, опасаясь.

– А может быть, – Светлаков как-то по-особенному посмотрел на него, – не только это? Может быть, пожалел ты её?

– Я? Пожалел? – Инин хохотнул. – Исключено. Я не умею жалеть. Я монстр.

– Ну ладно, монстр, будь на связи. Держи меня в курсе. И удачи тебе!

Вернувшись в отель, Инин застал Алевтину, лежащей на кровати перед телевизором.

– Чего смотришь? – спросил он, снимая пуховик.

– Не знаю. Не смотрю я. Лежу, думаю. Всё мысли всякие, мысли... Включила просто, чтобы совсем одиноко себя не чувствовать. Вот телек работает, и кажется, что вроде не одна ты.

– Ясно, – Инин присел на свою сторону кровати. – Чем занималась? С похоронным бюро вопрос решила?

– Да. Они всё сделают. И гроб подберут, и катафалк организуют, и место на кладбище, и венки... Только... – она замаялась, – дорого всё выходит. Уж я искала, искала подешевле, но... У меня всей нужной суммы нет. Я... я всё тебе верну, когда смогу.

– Так! Ну не начинай снова. Бесит уже, – сказал с раздражением Инин. – Сказал же, всё оплачу.

– Спасибо.

– Когда похороны?

– Завтра к двенадцати часам подгонят катафалк к моргу. Поедем на кладбище.

– На кладбище? А домой сначала маму не повезёшь? Ну, чтобы родственники простились, соседи?

– Нет у нас родственников. А соседи... Чего соседи? Кто они нам? Чужие люди.

– Ясно. Тогда я с тобой поеду. Только на работу позвонить надо будет, отпроситься.

Совру, что к стоматологу иду.

– Виталик! Не нужно. Пожалуйста! Ты и так слишком много для меня делаешь. Слишком!

– Так. Не обсуждается. – Инин щёлкнул пультом, переключив канал. – Ты ела сегодня что-нибудь?

– Нет.

– Почему?

– Не хочется.

– Так, милая моя, дело не пойдёт. – Он потянулся к тумбочке, на которой лежало ресторанное меню. – Сейчас закажу что-нибудь тебе на свой выбор, и только попробуй у меня это не съесть!

– Тогда и себе закажи.

– Себе не буду. Я у друга пельмешков наелся. Домашних.

– Ты ему всё рассказал. – Это прозвучало не как вопрос. Это было уверенным утверждением. Она вперила в него свои огромные глазища. Их хищный зелёный огонь, казалось, прожигал насквозь, проникал, как рентгеновский луч, в самую глубину, в самое потаённое. На мгновение Инина взяла оторопь. «А если она действительно ведьма?» – мелькнула шальная мысль.

– С чего ты взяла? И не думал я ничего рассказывать, – всё же решил соврать он, хотя в том, что его лжи не поверят сомнений не было.

– Это твой единственный друг, да?

– Друг, не друг... – Инину хотелось грубо оборвать этот разговор. С какой стати эта сумасшедшая лезет ему в душу? Но отчего-то не получалось. – Он просто человек, которого я не люблю.

– Не не люблю? Что за странное слово? Ты хотел сказать, любишь?

– Что хотел, то и сказал. – Инин рывком поднялся с кровати и нервно подошёл к заштопленному окну.

– И бабушку ты тоже не любишь?

– Да, бабушку я тоже не люблю, – ответил с раздражением Инин. – А всех остальных я не люблю. Я не люблю людей! – он сорвался на крик. – Я мизантроп, понятно?

Тут ему стало стыдно. За свой необъяснимый срыв. За то, что не пресёк этот дурацкий разговор сразу. За то, что позволил едва знакомой женщине копаться у него в душе. За то, что он вообще кому-то это позволил.

– А маму с папой ты тоже не любишь?

– А мама с папой... – он подбирал слова, – они далеко.

– Что значит, далеко?

– Всё, Алевтина, брейк! Остановись. Я не на сеансе психоаналитика. Лучше закажу тебе поесть. – Он вернулся к кровати и взял в руки меню. – Так, что хочешь, бефстроганов или шницель?

– Всё равно.

– Тогда будет бефстроганов.

Пока Алевтина ела, лениво ковыряя вилкой в тарелке с бефстроганов, Инин пялился в телевизор на тупейший и нудный, по его мнению, сериал о паранормальных явлениях, думая совсем о другом. Когда она, закончив с трапезой, отодвинула от себя поднос, спросил: «А ты не считаешь, что ехать на кладбище опасно?»

– Конечно, считаю, – ответила Алевтина абсолютно спокойным тоном. – И поэтому ещё раз прошу тебя не ехать со мной.

– Ну да, ведь теоретически они могли проследить, в какой морг отвезли твою мать, – рассуждал Инин, начисто проигнорировав её просьбу, – установить за ним наблюдение и потом поехать за катафалком, а там... ну ты понимаешь.

– И что же, из-за этих уродов мне теперь мать в последний путь не провожать?

– Может быть, услугами охранного агентства воспользоваться? Телохранителя с оружием нанять? – предложил Инин.

– Знаешь, не стоит, – несколько поразмыслив, ответила Аля. – На кладбище с нами сотрудники похоронного бюро будут. Поэтому, не рискнут они. Архивариус убирает людей по-тихому, без свидетелей, маскирует убийства под несчастные случаи. Видимо, у него такой договор с ментами: делай, что хочешь, но не светись, следов по возможности не оставляй.

– Ты полностью уверена в том, что сейчас мне сказала?

– Нет.

10

Утром следующего дня первым делом Инин позвонил финдиректору и отпросился с работы.

«Съезжу за машиной, в двенадцать буду у морга, – объявил он Але. – Поеду за катафалком, заодно послежу нет ли хвоста».

Ровно в полдень, как и было обещано, его «Ауди» подрулил к зданию морга. Четверо мужчин (как догадался Инин, сотрудников похоронной службы) грузили гроб в чёрный микроавтобус. Рядом стояла Аля, покрытая таким же чёрным платком – знаком траура. Чёрным и шерстяным. Очень тёплым.

«Надо же, и это продумала! – отметил про себя Инин. – Ну правильно, зима ведь, мороз. Как будто заранее знала, готовилась». Но тут же одёрнул себя: «А чего, собственно говоря, странного? Ну был этот тёплый платок у неё или мамы. Подготавливаясь к завтрашним похоронам, она просто предусмотрительно положила его себе в сумку. Это разумно».

Он вышел из машины и подошёл к Але, приобнял за плечи: «Держись».

Как выяснилось, кладбище, на которое везли Алину мать, оказалось чёрт знает где, – не на окраине даже, за городом. Гоня прочь мысли о реальности существования Архивариуса, Инин всё же поглядывал в зеркала чаще обычного: не едет ли кто-нибудь за ним слишком долго? Когда их маленькая процессия выехала за город показалось, что будто бы так оно и есть. Потрёпанная иномарка синего цвета упрямо держалась за ними, ехала позади с той же скоростью; словно привязанная, она подгазовывала тогда, когда подгазовывал катафалк, и сбрасывала скорость, когда катафалк замедлялся. Но вот он свернул с шоссе на небольшую дорогу, ведущую к кладбищу; иномарка проехала дальше. Следуя по шоссе, она скрылась за поворотом. Инин облегчённо вздохнул.

Могила показалась ему неглубокой. По крайней мере, когда хоронили его отца, могила была куда глубже. Или это только так кажется? Ведь уже прошло столько лет... Хотя, отца хоронили в начале осени, а нынче зима и мороз – земля мёрзлая, твёрдая, как бетон, и копальщики поленились?

Гроб опустили в могилу. Аля бросила горсть земли на крышку: «Спи спокойно, мамочка!» Бросил и Инин. Земля обожгла руку, она была ледяной и сухой. Работники закидали могилу споро и быстро. Поставили венки, корзины с цветами, воткнули в холмик временный деревянный крест.

«Ну всё, хозяйка, закончили», – сказал главный.

Инин отсчитал деньги.

«Вы с нами возвращаться будете? – он поглядел на «хозяйку». – Или как?»

«Никакого хвоста не было», – тихонько сказал Инин Але.

– Спасибо. Поезжайте. Мы сами доберёмся.

– Машину тогда отгоните, – попросил главный Инина.

Аллея, что вела к могиле была совсем узкой, двум автомобилям разехаться на ней было нельзя, а дальше она упиралась в тупик. Инин дал задний ход и свернул на примыкающую аллею, пропуская микроавтобус. Пропустив, вернулся на прежнее место.

Аля стояла у могилы матери неподвижно, как маленький тополёк, скрестив на груди руки и сжав кулачки. Инин подошёл к ней и молча встал рядом. Была оглушительная тишина, нарушаемая лишь карканьем ворон в отдалении, да морозным треском деревьев. Тишина и безлюдье. Только замерший лес памятников и крестов, только разъявленные пасти свежерытых могил вокруг, только маленькое тусклое зимнее солнце на низком небе...

Минута сменяла минуту. Аля всё продолжала стоять, безмолвно, оцепенело.

– Я не знаю, что говорят в таких случаях, – нарушил молчание Инин. – Возможно, скажу сейчас глупость какую-то, ты уж прости. Но твоей маме сейчас хорошо. Ведь что такое, по сути, жизнь? Бессмысленная короткая вспышка посередине вечности. Миг, наполненный тревогой и суетой, болью, страданием, глупыми надеждами, разочарованиями. Что было до твоей жизни? Сон, вечный покой. Разве тебе было плохо? Что будет после твоей жизни? Сон, вечный покой. Разве тебе будет плохо? Всех нас ждёт возвращение в вечность, кого-то раньше, кого-то позже... Знаешь, я даже в чём-то завидую твоей маме.

– Завидуешь? – безучастно спросила Аля.

Он ничего не успел ответить. Послышался приближающийся шум машины. Головы рефлекторно повернулись в сторону его появления. Шум раздавался оттуда, откуда они приехали, оттуда, куда десять минут назад укатил катафалк. Собственно говоря, раздаваться ему было больше и неоткуда: то была единственная ведущая сюда аллея, заканчивающаяся тупиком. Через секунду из-за поворота вывернула машина. Синяя, подержанная иномарка.

Проехав по аллее с десятков метров, она остановилась прямо у машины Инина, преградив ей путь. Хлопнули дверцы. Из машины неуклюже выбрались два мужика. Оба в одинаковых, будто бы специально подобранных под цвет их машины, синих куртках. Оба в одинаковых

чёрных шапках «королева бандитов». Оба в одинаковых сапогах... Один из них был просто гигантом – двухметрового роста, сутулый и кряжистый, с широченными, как коромысло, плечами. Лицо перекошено. Таковым его делал грубый шрам, идущий наискосок от левого глаза к правому углу губ. Второй мужик был помельче, но это только по сравнению с первым. Рослый плотный крепыш с длинными, как у орангутана, руками. Переглянувшись, они медленно двинулись к Инину с Алей.

«Это та машина, что ехала за нами по шоссе? – лихорадочно припоминал Инин. – Та или не та? Или просто похожая?»

Мужики с угрюмым видом приближались. Аля со всей силы вцепилась Инину в локоть.

«А если всё, что она говорила мне – правда? Надо было взять с собой охотничий нож, или хотя бы перцовый баллончик. Фома неверующий. Идиот! Куда деваться теперь? – преотвратное чувство бессилия сковало тело ледяным саваном. – Сейчас они грохнут нас – и в могилу. Вон сколько их тут, свежевырытых. Забросают землёй, угонят машину, перебьют номера, перекрасят, продадут, и концы в воду. Всё. Бессмысленно прожил ты, и бездарно, по-идиотски сдохнешь».

Мужики остановились в двух метрах от них. Тот, что помельче, засунул ручищу в карман. Что он оттуда вытащит? Нож? Пистолет? Аля, дрожа всем телом, прижалась к Инину.

«Какого чёрта я сказал, что завидую её матери? Ни черта я ей не завидую! Вот, накликать. Идиот. Идиот. Идиот!»

Мужик выудил из кармана... скомканный носовой платок. Смачно высморкался.

«Приветствую!» – сказал он.

Гигант молча кивнул.

Инин тоже ответил кивком. Неуверенным.

«Мы работники кладбища, – представился тот, что помельче. – Тут, знаете ли, часто венки воруют с могил. Так мы, того, за вашей последить можем».

Так легко Инин ещё никогда в своей жизни не выдыхал. Аля разжала локоть. Он вынул из портмоне две пятитысячные купюры и вручил их «мелкому».

«О! – тот прямо-таки засветился. – Всё будет в лучшем виде. Гарантируем».

Мужики развернулись и на сей раз резвым шагом потопали до машины. Синяя иномарка дала задний ход, потом повернула и скрылась за частоколом могил.

Инин гнал автомобиль по направлению к городу.

– Я чуть от страха не умерла, – наконец, произнесла, хранившая до той поры молчание Аля.

– С чего бы это вдруг? – Инин умело ломал комедию, делая вид, что появление двух мужиков не вызвало у него никаких эмоций.

– Я думала, это *они*.

– Кто? Те двое что ли? – он усмехнулся.

– Угу.

– А у меня и мысли такой не было, – соврал он.

– А если бы это были они, ты бы испугался?

– Чего? Того, что убьют? Кишки выпустят?

– Угу.

– Знаешь, если, по правде, то каждый боится смерти. Инстинкт заставляет. Если ты не самурай, который всю жизнь готовит себя к тому, чтобы помереть в любую минуту. Я, конечно, не самурай, но если бы те двое вздумали нас мочить, мне было, скорее, немного обидно, чем страшно.

– Немного?

– На три по десятибалльной шкале, – опять соврал Инин. Ему было и обидно, и стыдно, и страшно гораздо больше, чем на три балла.

- Ты ценишь свою жизнь?
- Не особо.
- Почему?
- Зачем ценить то, что не имеет смысла?
- А что же ты ценишь?
- Комфорт, – моментально ответил Инин.
- Но ведь без жизни, нет и комфорта!
- Что за глупости? Идеальный комфорт, это тогда, когда ты не существуешь! – Он расхохотался. Но быстро урезонил себя. – Извини. У тебя мать умерла, а я ржу. Это нервное. Кстати, Аль, тебе свидетельство о смерти выдали?
- Конечно.
- И что там о причинах смерти написано?
- Как я и думала – острая сердечная недостаточность.
- Хм. И всё?
- И всё.
- Попетляв по городу, объезжая пробки, Инин остановил у метро.
- Аля, а можно мне свидетельство посмотреть?
- Алино лицо напряглось.
- Ты мне не веришь.
- Верю, но всё равно хотел бы взглянуть.
- Она с раздражением расстегнула сумочку, вынула аккуратно сложенный вчетверо документ и почти бросила его в Инина.
- Гляди!
- Он развернул бумагу и пробежался глазами по строчкам. В графе «непосредственная причина» стояло «острая коронарная смерть». Графа «первоначальная причина смерти» была пустой.
- Аль, а почему здесь ничего не указано? – он ткнул пальцем в пустую графу.
- А что здесь должно быть указано? – спросила она с язвительной интонацией.
- Чем человек болел.
- Ишь, как ты поднаторел! А вот потому-то, Виталик, графа и пустая, что мама ничем не болела. Врач не смог установить причину, поэтому оставил графу пустой, понял ты? – на её глазах навернулись слёзы.
- Ладно, ладно, Аль. Ты только не обижайся. Это я просто человек такой въедливый, зануда. Дерьмовый у меня характер, что тут сказать... Ты давай в гостиницу поезжай, а мне на работу надо. Дела решу, и к тебе. Маму помянем.
- Аля утёрла слёзы, и не сказав ни слова вышла из машины. Через мгновение её унёс людской поток. Инин тут же набрал Светлакова.
- Слышь, Юр, тут такой номер. В свидетельстве о смерти не указана первоначальная причина. Почему?
- Ну... – Светлаков подумал, – иногда врач сомневается в причинах и ничего не пишет. Конечно, он должен в таких случаях обозначать «причина не установлена», но сделать это, значит, расписаться в собственной некомпетентности. Поэтому, если от него не потребуют этого родственники или соответствующие органы, то он и не напишет ни фиги.
- И что мне делать?
- Что делать? Дуй в морг. Найди врача, который вскрытие делал, позолоти ручку и расспроси подробнее.

Глава 4

11

В регистратуре морга за окошком сидела похожая на строгую училку некрасивая девушка в круглых очках. На вопрос Инина, кто производил вскрытие гражданки Берестовой Евдокии ответила, что такую информацию давать не уполномочена, к тому же фамилия врача, проводившего экспертизу, указана в свидетельстве о смерти.

Пришлось включать то, что Светлаков назвал бы суперспособностями, а Инин считал обыкновеннейшей интуицией. Нужно лишь догадаться чего сейчас хочет это неприветливое очкастое существо. Инин сосредоточился и... почувствовал боль в голове. Ясно. У работницы морга болит голова. Сейчас должна появиться картинка. Вот она. Господи, как всё просто! Девушка мечтает всего-то о двух таблеточках цитрамона. Данное медицинское учреждение лечебным можно назвать весьма условно, – обезболивающих лекарств здесь не держат, клиентам морга они уже не нужны. Девушка бы в аптеку сбежала, да пост покидать нельзя.

– Марина (Инин прочитал её имя не бейджике), – а где тут у вас аптека неподалёку?

Марина захлопала глазами за стёклами.

– За углом. На соседней улице...

Через пять минут Инин был снова возле окошка. Он оторвал от пачки две таблеточки цитрамона, положил перед девушкой. Открыл бутылку минеральной воды, поставил её перед ней.

– Выпейте, Марина.

Рот сотрудницы морга открылся. Очки вместе с бровями подлетели вверх, в космос.

– Как? Как вы узнали?

– Неважно, Марина. Выпейте.

Не сводя с него обалдевших глаз, она выпила цитрамон, и тут щёлкнуло. Инин почувствовал этот щелчок физически. Она заметила, что перед ней красавец-мужик. Тотчас же на внутреннем экране у Инина возникла другая картина. Теперь Марина хотела не цитрамон. Ей мечталось оказаться с ним где-то на морском берегу, в окружении пальм на фоне оранжевого заката; они держатся за руки, губы их ближе, ближе... Инин слегка встряхнул головой, чтобы прервать видение: меньше всего на свете он бы хотел оказаться в такой ситуации с этой дурнушкой. Однако дело было в шляпе – такое он проделывал бессчётное множество раз – догадаться о женских желаниях и частично исполнить их, а дальше его природные чары доделают дело сами. Всё до одури просто, избито и скучно. Вот только почему это не работает с Алевтиной? Она, как закрытый сейф. Если бы он мог догадаться о её мыслях, не пришлось бы тащиться в этот проклятый морг, ломать голову о мотивах, тормозить Светлакова... И на чары его у неё, похоже, иммунитет. Нетипичный случай. Как сказал бы Юрка – казуистический.

– Марин, вы можете мне? – не теряя времени, Инин развивал свой успех. – Я родственник покойной. Мне у врача кои-какие детали о её заболевании прояснить надо. Ну просто очень надо.

– Я сейчас посмотрю. Как фамилия говорите? – она застучала пальцами по клавиатуре. – Вот. Емцов Виталий Сергеевич вскрытие производил.

– Спасибо, Мариночка, огромное! А как мне этого Емцова найти?

– Он сейчас в зале работает, – она показала рукой в сторону, где находится зал. – Вы можете подождать. Там кушетка есть. Как закончит вскрытие, выйдет.

– А как мне его узнать?

– Он невысокий такой, щуплый. Да и бейджик на халате есть.

Просидев на кушетке минут пятнадцать, Инин занервничал. На часах уже было пять. Когда доктор Емцов закончит возиться с трупом? Торчать здесь неизвестно сколько в планы Инина не входило. Поднявшись с кушетки, он потянул на себя тяжёлую дверь и вошёл в секционный зал.

Вопреки ожиданиям, одуряющего смрада он не почувствовал. Просто пахло несвежим мясом, да и то не так, чтобы сильно. На стоящих рядами и поблёскивающими нержавеющей стали столах, в чём мать родила, лежали пациенты доктора Емцова. «Как на нудистском пляже, блин», – подумалось Инину. Тут мозг пронзила вспышка – неожиданный флешбэк, непрошенное дежавю. Покойники на столах в морге. Он уже видел это. В том самом сне, из-за которого они поспорили со Светлаковым. «Не дури. Выбрось из головы это. Быстро!» – приказал он себе.

Навстречу ему шёл маленький худощавый человечек в белом халате. Ещё двое, по-видимому, санитары в комбинезонах и фартуках, в дальнем углу продолжали колдовать над трупом.

«Что заставляет человека выбрать такую работу? – задал себе вопрос Инин. – Садизм? Интерес к смерти? Или презрение к жизни? Если последнее, то мне тоже следовало бы стать патологоанатомом».

«Вы кто? Сюда нельзя! Посторонним сюда нельзя», – строго заголосил человечек в халате.

«Хорошо, что спецодежду успел снять, – отметил мысленно Инин. – А то бы деньги некуда было сунуть».

– Виталий Сергеевич, здравствуйте! – поприветствовал его Инин.

– Здравствуйте! Но здесь вам нельзя, – продолжил гнуть своё доктор.

– Да я на минутку, Виталий Сергеевич, и по очень важному делу.

– Что за дело? – лицо доктора стало сосредоточенным.

– Вы делали вскрытие Берестовой Евдокии и в заключении не указали первоначальную причину смерти. Почему?

– А вы кто такой будете? – спросил доктор, не то испуганно, не то сердито.

– Родственник я.

– Какой такой родственник? – Емцов нахмурился.

– Племянник.

– Не знаю я, какой вы племянник. Никакой информации я вам давать не буду. Покиньте, пожалуйста, помещение.

«Жаль, что с мужиками моя интуиция не работает, – подумал Инин. – Придётся платить наличными».

Он бросил взгляд на санитаров. Те продолжали копаться с покойником и не глядели в их сторону. Вынув пятитысячную купюру, он проворно сунул её в нагрудный карман доктора.

– Виталий Сергеевич, мне очень нужно знать, была ли больна моя тётя. Отчего у неё остановилось сердце? Не могло же быть так, чтобы на ровном месте!

– М-м-м... – доктор помялся. – Да, конечно, была.

– Чем?

– Признаки повышения давления в воротной вене и печеночной недостаточности.

– Что это значит?

– Печень больная была у неё – вот, что это значит.

– Печень больная, а умерла от остановки сердца. Как такое возможно?

– Ну судите сами. При таком заболевании печени сердце работает с перегрузкой, а человек уже не молодой. Сердечко-то тоже слабое. Вот и не выдержало. Бывает такое.

– А почему вы это в заключении не указали?

Емцов вытаращил глаза.

– Так дочь её попросила! Сказала, что указывать первоначальную причину смерти не требуется.

Выйдя из здания морга и сев в машину, Инин снова позвонил Светлакову.

– Слышь, Юр, у патологоанатома был. Враньё всё. Больна её мать была. Что-то с печенью.

Так эта ведьма попросила его диагноз в заключении не писать.

– Дела-а-а...

– Ты говорил, что поговорить с ней должен, чтобы понять сумасшедшая она или нет. Как это можно устроить, да так, чтобы она не поняла, что я к психиатру её притащил?

– Давай так. Завтра к часу в кафе «Сокол» с ней подъезжай. Я тоже туда подойду.

– А ты сможешь так всё устроить, чтобы она не догадалась ни о чём?

– Постараюсь. Ты, главное, сам не проколись.

В гостиницу Инин вернулся затемно. Алевтина лежала перед телевизором, упервшись в экран невидящими глазами.

– Ну что, Аля, маму помянуть надо, – он присел на край кровати.

– Надо, – ответила она безучастно.

– Я доставку из ресторана закажу. Лапшу и компот. Это ведь поминальная еда, правильно?

– Угу.

Доставленная в номер лапша была вкусной, совсем, как домашняя. Не подкачал и компот.

– Ты не молчи, расскажи что-нибудь о маме, вспомни что-то хорошее о ней. Легче будет.

– Не будет, – Аля покачала головой, медленно, будто бы замороженная. – Не хочу ни о чём вспоминать. И думать тоже ни о чём не хочу.

– Понимаю. Когда... – Инин остановил себя. Он хотел сказать: «Когда у меня отец умер, я тоже так себя чувствовал». Но с какой стати он должен делиться чувствами с девкой, которая ему нагло врёт? С этим существом (он именно так и подумал – «существом»), которое ведёт с ним игру совершенно недоступную пониманию. С существом дьявольски красивым и до неприличия соблазнительным. Только сейчас, в этот миг, Инин поймал себя на том, что испытывает к ней желание – животное, первобытное. Где оно было все эти три дня? Сидело, как зверь, в подсознании? И почему вылезло именно в эту секунду? Ответов на эти вопросы Инин не находил.

– Что ты думаешь про Архивариуса, – он решил сменить тему. – Отстал он от тебя или нет?

При этом вопросе Аля слегка оживилась, в потухших глазах проскочила искра.

– Не знаю. Надо ждать.

– Чего ждать? Того, что он как-нибудь себя проявит?

– Или не проявит.

– А сколько ждать? Где ждать? И как?

– Не знаю.

«А может быть, уже хватит крутить мне мозги, девочка?» – так и подмывало ответить Инина.

– У меня есть предложение, – сказал он вместо этого. – Давай завтра по городу покатаемся, просто, чтобы развеяться. В кафешке где-нибудь посидим. Не торчать же целый день в номере. Идёт?

– Идёт, – легко согласилась Аля. – А как же твоя работа?

– Да придумаю что-нибудь.

«Лучше бы ты оказалась безумной, чем лживой расчётливой сукой», – подумал Инин.

Ночью ему снилась она. Летящая на метле. Голая. С идеально сложенным крепким телом. С горящими зелёным глазами. С развевающимися на ветру огненно-рыжими волосами.

Утром он звонил финдиректору и наплёл, что после удаления зуба температура и жуткая боль.

Около одиннадцати они сели в машину, которую Инин больше не прятал, а подогнал прямо к гостинице.

В час они сидели за столиком в кафе «Сокол». Инин заказал себе пиццу, Аля ромовую бабу и капучино.

«Сейчас человек сюда должен зайти, мой коллега. Один вопрос решить надо. С работы-то я сегодня тоже смотался, – сообщил Инин. – Это ненадолго, всего на пару минут».

Немного опоздав, в кафе вошёл Светлаков, запыхавшийся от быстрой ходьбы, румяный с мороза.

Виталий пожал ему руку и привычным жестом похлопал его по плечу.

«Юрий Сергеевич, мой коллега. А это Аля», – исполнил предписываемую этикетом формальность Инин.

Светлаков уселся за столик рядом с Виталием, оказавшись напротив Али.

– Юрий Сергеевич, так что там у нас со счёт-фактурой с Северного филиала?

– Проблемы Виталий Григорьевич. Оформлен неправильно. – Сымпровизировал Светлаков.

– Опять НДС неверно проставили, или с перечнем товаров напутали?

– И то и другое.

– Вот головотяпы! Это всё Иванов, бездельник.

Светлаков согласительно покивал головой.

– Вот что мы сделаем, Юрий Сергеевич. Возврат оформляйте. Пусть потеряем время, зато головной боли с отчётностью не будет.

– Понято. Оформим.

Светлаков посмотрел на Алю.

– А ромовую бабу здесь бесподобно готовят! Не находите? – он улыбнулся.

– Да. Очень вкусно. – Аля улыбнулась в ответ.

– Пожалуй, тоже себе закажу.

– Я отлучусь на минутку, – Инин привстал со стула. – Покурить выйду.

Когда он вернулся, Светлаков и Аля уже оживлённо болтали. О собаках, машинах, путешествиях в дальние страны...

«Умеет же он пациента разговорить. Профи!» – мысленно восхитился Инин.

– Ой, Виктор Григорьевич, извините! – вдруг опомнился «коллега» Инина. – Что-то совсем я разболтался с девушкой вашей.

– Ничего страшного, я вас к ней не ревную, – улыбнулся Виталий.

– Ну всё, побежал, – заторопился «коллега». – До завтра, Виталий Григорьевич!

Когда они сели в машину, Инин спросил: «А хочешь за город поедем, в рошу? Там зимой ой, как красиво».

«С удовольствием!» – ответила Аля.

Он надавил на газ.

Спустя пару минут Инин заметил, что повеселевшая было после разговора со Светлаковым девушка стала похожей на угрюмую тучу.

– Что случилось, Аль? О маме думаешь?

Ответила она не сразу. Ехала с каменным лицом, не глядя на Инина.

– Аля. Что произошло? – повторил вопрос Инин.

– Значит, ты меня на освидетельствование возил. – Во взгляде и голосе читались горькая обида и грусть. – Решил узнать сумасшедшая я или нет.

– Хм... – Инин опешил. – С чего ты взяла?

– Ты меня за дурочку держишь, Виталик? Шито белыми нитками. Актёры вы с другом своим никудашные.

– Ты о чём? Я не понимаю тебя, – продолжал пытаться играть комедию Инин.

– Во-первых, твой друг пришёл красный с мороза. Значит, не ехал он ни на машине, ни на автобусе. Пешком шёл, минут пять или семь. А что у нас в пяти минутах ходьбы от «Сокола»? Психушка, где твой друг и работает.

– Это ничего не доказывает, – защищался Инин. – Юрий Сергеевич любит пешком ходить.

– Во-вторых, здороваясь, ты его по плечу похлопал. Так с коллегами, которых по имени-отчеству называют, не делают.

«Блин, мой прокол, – мысленно согласился Инин. – Говорил же Светлаков: не проколись, а я в первом же акте пьесы маху дал».

– Так. Ещё что ты мне скажешь? – он продолжал делано улыбаться.

– В-третьих, тот вопрос, что вы обсуждали и по телефону решить можно было. Незачем по таким мелочам лично встречаться.

– Так-так.

Мобильный Инина тоненько пискнул. Должно быть, это пришло сообщение от Светлакова.

– В-четвёртых, у тебя есть только один друг, и друг этот твой – психиатр.

– Интересно, интересно, – Инин взглядом искал место на обочине, куда можно было бы припарковать машину.

– В-пятых, думаешь, я не поняла, зачем он со мной болтать начал, расспрашивать обо всём? Он диагностику проводил.

– Какие пронизательные умозаключения! – Инин парковался, втискивая авто в просвет между машинами.

– А в-шестых, Виталик, чтоб ты знал – я мысли мужчин читать умею. Твои, честно скажу, почему-то не получается, а вот друг твой для меня – открытая книга. Так что, и безо всей этой дедукции обошлась бы, чтобы вас раскусить.

– Да у нас просто ведьма! – съехидничал Инин, открыв сообщение от Светлакова.

Патологии не обнаружил. Она обманывает тебя сознательно.

– Так, Алевтина, – он глядел на неё исподлобья, колючим, как репей, взглядом. – Давай начистоту. Твою мать отравили? Она ничем не болела, так?

– Я тебе уже говорила, и повторять это не собираюсь.

– Ты врёшь мне! – он с гневом стукнул ладонью о спинку сидения. – Твоя соседка сказала, что мать у тебя очень больна была.

– Да что она знает, эта соседка?!

– А теперь, Алечка, шах и мат. Я у патологоанатома был, что вскрытие делал. Он сказал, что у матери твоей серьёзное заболевание печени и сердце слабое. А самое главное, что ты его попросила первичную причину смерти в заключении не указывать! Съела?

Пухлые губки Алевтины задрожали, огромные глаза наполнились влагой, лицо стало пунцовым.

– Да. Я врала тебе. – Она опустила голову.

– Но какого чёрта? Объясни, наконец!

– Тебе врач сказал, какое именно у неё заболевание печени?

– Нет.

– Алкогольный цирроз.

– Хм...

– Да! Она была пьяницей, конченной алкоголичкой! – Аля закричала так неожиданно громко, что Инин вздрогнул. – Она пила всю мою жизнь, сколько я её знала. Ты знаешь, что это такое? – она заревела навзрыд, плечи судорожно подпрыгивали. – Это позор, понимаешь ты? Это ад! Во дворе все тыкали в меня пальцем: «Смотри, дочь алкашки идёт». В школе все смеялись надо мной. Они всегда все смеялись! Они издевались, они меня буллили... Это из-за неё.

Она не доходила до дома, падала, засыпала... Валялась на детской площадке, у подъезда, на лестнице. Женщина! Хуже самого безобразного, мерзкого мужика. Ты видел, какой срач у нас дома? Как ты думаешь, отчего? Я устала за ней прибираться, чистить, драить! У меня опустились руки. Всё это бесполезно, бессмысленно. Как ты думаешь, почему я не переносу алкоголь?

Почему я его ненавижу? – Она потёрла глаза, размазав тушь по лицу. – Я знала, что ты попросишь у меня заключение. И я не хотела, я ужас, как не хотела, чтобы ты узнал, кем была моя мать. Потому что ты стал бы выпрашивать, дознаваться, а я не могу, не в состоянии, об этом рассказывать, ни тебе, ни кому-то другому. Не хочу и не буду переживать этот позор, этот ад снова! Мне стыдно перед тобой, ты даже не представляешь, как стыдно. Я понимаю, что это глупо, но только не для меня. Есть вещи, которые не объяснить человеку, что их не пережил. Виталик, ты просто не знаешь, ты не можешь себе представить, что значит с детства жить с алкоголиком... ты...

Алевтина была не права. Что такое жить с алкоголиком Инин знал.

12

Пальцы бегут по струнам. Стремительно, воздушно-легко. Пальцы живут своей жизнью. Пальцы умеют думать. Пальцы умеют чувствовать. Гитара не звучит – она поёт, она плачет, она говорит: то кричит голосом полным огня, то тихо задушевно мурлычет о чём-то... Фламенко. Бесовской, зажигательный, томный. То бурный и жаркий, как горячая кровь испанца, то сладостно-печальный, как бордовый и терпкий закат в Андалусии. И время остановилось. Времени больше нет. Есть только музыка вне времени и пространства. Но пальцы бегут быстрее, быстрее, быстрее... Сейчас будет арабская гамма. Сбой. Пальцы споткнулись, запутались. И время снова пошло. Значит, нужно всё повторить, всё заново, всё сначала. Преподаватель говорил, что рано браться за эту вещь, но он должен, он сумеет, он не может не смочь. И так...

– Виталик! Ну в конце-то концов! – слышится недовольный голос мамы из соседней комнаты. – Ты математику сделал? Одиннадцатый час уже!

– А зачем ему математика? Так, для галочки, для аттестата, – возражает папа весёлым голосом подвыпившего человека. – Он у нас для другого родился.

– Что ты опять несёшь? Ты соображаешь, что ты ребёнку внушаешь? – сердится мама. – Зенки залил, так молча сиди!

Папа и так в присутствии мамы всё больше молчал, тем более, когда «заливал зенки», что случалось с ним всё чаще и чаще. Но на этот раз своему обыкновению он изменил.

– Ты не понимаешь что ли? Талант у нашего пацана. Развивать его надо день и ночь, день и ночь, понимаешь? Без труда талант – ничего.

– И что ему с этим талантом делать? На хлеб намазывать? – заводилась мама. – Ты тоже у нас вроде как талант был. – Слово «был» она отчётливо выделила. – И что теперь? В кабаках за гроши лабаешь и спиваешься. В дом копейки приносишь. Мужик называется! Ты посмотри только – всё, что в доме куплено, не тобой заработано. Телевизор, в который ты пялишься, ты купил? Вот этот диван, на котором ты сейчас задницу греешь, ты купил? Даже пижаму эту, – она дёрнула его за штанину, даже твои тапки сраные, и то я покупала. Кто ты есть? Нищий неудачник – вот кто ты. Хочешь и сыну своему такую судьбу?

– Ну не начинай, Клавдия! Не начинай, – взмолился отец.

– Ах это я, по-твоему, начала, да? – встала на дыбы мама.

Виталик отложил гитару. Вышел к родителям в комнату.

– Ма, па, не ругайтесь. Пожалуйста! Я уроки делать пошёл.

Когда-то отец Виталия подавал большие надежды, и было это в ставших уже далёкими славных восьмидесятых. Тогда их рок-группа гремела по всему городу. Концерты в ДК, батальоны поклонников, а после того, как рок-н-ролл вроде как перестал быть запрещённым, даже

съемки на местном ТВ... Лидер группы – Григорий Инин – харизматичный патлатый красавец. Фанатки влюблялись в него десятками, но выбрал из всех он будущую маму Виталика.

Шли годы. Струя успеха медленно иссякала. Кто-то из менее талантливых, но удачливых выбился на большую сцену, кто-то аккомпанировал топовым исполнителям, кто-то открыл ресторан... Ребята из группы Инина-старшего не родились под счастливой звездой. Клавишник спился, басиста сгубили наркотики, барабанщик надолго сел; сам Григорий работал по кабакам. Поредели и поседелели волосы, на когда-то гордые плечи легла сутулость, от бывшего блеска звезды не осталось и тени – только фотографии в альбомах, только выцветший плакат на стене... Мама Виталика, что никогда не хватала звезд с неба, окончила институт, устроилась бухгалтером в строительную компанию, компания пошла в гору. «Музыкант – это не профессия», – как заклинание повторяла мама. Папа хирел и вял, жух как позабытый в банке тюльпан. Мама из робкой невзрачной девочки с годами расцветала в шикарную, яркую, уверенную в себе зрелую женщину, всей своей жизнью доказывая правоту своих слов.

Сам же Виталик о своей будущей профессии думал тогда меньше всего. Гитара была его главной радостью в жизни и этого было достаточно. Он искренне не понимал тех, кто говорил, что не хочет ходить в музыкалку, что домашние упражнения – тяжкий мучительный труд, которым бы им и в голову не пришло заниматься, если бы не заставляли родители. Как такое возможно? Наверное, они врут. А ещё отец повторял ему: «Музыканту нельзя без сцены». Но всегда добавлял при этом: «Один человек – это тоже сцена. Если тебе неважно играешь ли ты для одного или для целого стадиона – ты настоящий».

Сцену Виталик любил. Ею могла быть малышня во дворе, соседи-дедки, стучащие в домино на столике у подъезда, Светлаков Юрка... Но лучше всего, когда сцена – его одноклассники, и среди них, конечно же, Оля Карамзина.

Выступление начинается с простого – с этюда Каркасси. Потом испанская тема – фламенко. Потом кто-нибудь просит: «Виталя, а теперь спой». Он поёт Богемскую рапсодию «Queen». Голос у Виталика сильный, богатый, диапазон в две с половиной октавы. Преподаватель по вокалу был удивлён, когда узнал, что голос Виталику специально никто не ставил. «Да у вас можно сказать дар, юноша», – резюмировал он. «Блин! Точь-в-точь, как Фредди поёшь!» – восхитится Юрка. Потом кто-то из ребят непременно попросит: «А теперь давай что-нибудь наше!» И Виталик запоёт Цоя. «Группа крови на рукаве...» Глаза Оли горят. Юрка смотрит на других с гордостью: «Глядите, как друг мой умеет! Да. Это мой друг. Так-то!» Только Макс Новицкий сидит смурной и отворачивается всё время, будто его всё происходящее здесь не касается и вообще, собственно говоря, ничего стоящего не происходит. Лишь, когда Виталик закончит и начнёт укладывать гитару в кофр, протянет лениво: «Да-а, хорошая у тебя гитара». Словно всё дело в ней, а вовсе и не в Виталике. «Да завидует он тебе просто, это же и ежу понятно», – объяснит в очередной раз реакцию Макса Юрка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.